

Т. ВОЛОДИНА

Так
могло
быть

Татьяна Володина

Так могло быть

«ИД Человек слова»

2019

Володина Т.

Так могло быть / Т. Володина — «ИД Человек слова», 2019

ISBN 978-5-6041600-1-5

Повесть о любви. Которую нашли... и которую никогда не потерять! Несмотря на всё, что случилось.

ISBN 978-5-6041600-1-5

© Володина Т., 2019
© ИД Человек слова, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	21
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	40
Глава 13	43
Глава 14	51
Глава 15	53
Глава 16	58
Глава 17	60
Глава 18	68
Глава 19	73
Глава 20	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Татьяна Володина

Так могло быть

Посвящаю моему дорогому сыну

Милый, я тебя люблю и очень скучаю. ОЧЕНЬ!

Прости меня, что, родив тебя, я обрекла тебя на страдания.

*Прости, что не оправдала твоих надежд. ОНА оказалась сильнее
меня.*

Прости!

Глава 1

Болела нога, а точнее – пятка. Туфли были новые, а все новое всегда доставляло Соне неудобство. Вот и сейчас правая туфля натерла ей ногу, и та нестерпимо болела. Хотелось ее снять, но Соня не могла себе этого позволить.

«О сколько нам открытий чудных готовят просвещения дух и опыт, сын ошибок трудных, – Соня остановилась, чтобы вспомнить, как дальше, и, вспомнив, обрадовалась, – и гений, парадоксов друг, и случай, бог изобретатель». Эти строчки Пушкина она повторяла в уме, когда, хромя, шла по коридору в направлении своего кабинета, нервно сжимая губы от боли и злости. Нет, она не была поклонницей поэзии. Предпочитала прозу, но великое на то и великое, и раз услышанное помимо твоей воли вторгается в твоё подсознание и заполняет его до краёв.

«Как верно, – подумала Соня, – «и случай, бог изобретатель». Это то самое, чем сейчас мне необходимо утешиться? Случай, именно случай занес меня в этот банк, в это здание, на этот этаж...» Она только что покинула кабинет своего начальника и, улыбнувшись приветливо секретарю, вышла из приемной директора департамента. Ей срочно необходимо было уединиться, чтобы привести свои чувства в порядок и успокоиться. Ежедневный прессинг по утрам постепенно превратился во что-то вроде зарядки. «Утро вечера мудренее» – это было не про Сониного начальника. У них в департаменте здравомыслие наступало в конце рабочего дня, а хорошее настроение и кипучая деятельность – после него. Никто не должен был увидеть Соню в состоянии бешенства. Это был ее принцип. Все негативное оставалось в ее кабинете и ни в коем случае не должно было просочиться в комнаты управлений и отделов. Сейчас главное – тихо прошмыгнуть в свою комнату и восстановить дыхание.

Войдя в кабинет, Соня села в кресло за своим рабочим столом, скинула ненавистные туфли, испытав чувство сродни блаженству, и поняла, что смертельно устала от препирательств, доказательств, уговоров и упреков. В свои тридцать два она вот уже два года занимала должность начальника управления. В ее обязанности входили аналитика деятельности, прогнозирование результатов и разъяснение филиалам инструкций Банка России. Работа напряженная, но в то же время интересная и требующая высокой квалификации. Требовалось не только подготовить документ, но и угодить начальству, предугадать, чего от нее ждут, даже если подчиненным придется выполнять кучу ненужной работы. Любые доводы и обращения к здравому смыслу тщетны. Соня давно уже понимала, что никакие аргументы не могут изменить сложившейся ситуации, когда начальник всегда прав, однако каждый раз попадалась на эту удочку. Вот и сейчас ее разговор с Алексеевой закончился на той же ноте – с небольшими вариациями, но смысл был именно такой.

Директор департамента Алексеева, непосредственный начальник Сони, дама за сорок, умная, напористая, готовая работать круглосуточно и уверенная в том, что все вокруг тоже этого хотят. Соня не возражала, но не терпела насилия. А еще Алексеева не любила, чтобы идеи исходили от других. Идеи – это ее прерогатива, а миссия подчиненных – под ее чутким

руководством реализовывать их. Она ревностно следила, чтобы вся информация департамента исходила только от нее, и контакты подчиненных с внешним миром пресекала. А вот этого Соня не могла принять. Ей необходимо общение с коллегами из других подразделений банка. Было такое ощущение, будто она находится в аквариуме и начинает в нем задыхаться. Страх, что тебя могут обойти, ревность к успеху коллег только мешали работе. Но парадокс в том и состоял, что страхи Алексеевой были помехой именно Соне. Бред, конечно, но невозможно ничего объяснить человеку, который слышит только себя и непогрешимое вышестоящее руководство. Самолюбие Алексеевой просто зашкаливало, и в то же время она не терпела рядом с собой тех, кто обладает им.

Соня тяжело вздохнула, понимая, что работы много и ей сейчас необходимо успокоиться. Налив стакан воды, остановилась у окна. «Что я делаю не так? – спрашивала она себя. – Как долго может продолжаться игра в одни ворота? И что требуется конкретно от меня?»

Беда была в том, что Соне нравилась ее профессия. Она умела работать в коллективе и подчиняться указаниям руководства, понимала и принимала субординацию, но ни под каким видом не терпела унижения и неуважения, как к себе, так и к другим. Поэтому каждый рабочий день становился для нее испытанием, и отношения с директором были на грани. Стоит кому-нибудь из двоих сорваться – и все полетит, как лавина, сметая на своем пути судьбы людей. «Спокойно», – приказывала Соня себе каждое утро и ехала в офис.

На работу Соню пригласил заместитель председателя банка Павел – муж Наташи, ее однокурсницы по университету. Сегодня как раз из-за этого и возник очередной скандал. Павел спешил на совещание и попросил Соню срочно принести ему последние цифры по аналитике. Материал только-только был подготовлен, его еще не видела Алексеева. Прихватив папку с бумагами, Соня направилась к Павлу, а по дороге занесла в секретариат департамента экземпляр и попросила срочно передать его директору. На справке она указала время передачи документа. Соня застала Павла в его кабинете, и они на ходу успели обсудить полученные показатели, а потом он отправился на совещание, а она вернулась к себе.

Вот тут все и началось. Вызвав Соню, Алексеева начала упрекать ее в том, что та, не получив начальственного разрешения, посмела передать материал первому заместителю председателя банка. Соня была ошарашена: что, собственно, случилось? Ошибка в справке? Нет. Оказалось, Павел позвонил Алексеевой и поблагодарил ее за оперативно предоставленный материал. Очередные придирки Алексеевой продолжались минут двадцать. Объяснять что-либо ей было бесполезно. Каждое Сонино слово провоцировало извержение нового потока злобных выкриков: «Я здесь начальник, а вы – никто!» Соня уже направилась к двери, а Алексеева кричала ей в спину, что она здесь директор и все решает. Соня знала, что этим разговором конфликт не исчерпан, и вскоре, как всегда, последует продолжение.

Устроившись удобнее в кресле, поставив локти на стол и подперев голову руками, она стала терпеливо дожидаться продолжения. Начинать работу было бесполезно, поскольку должен был прокатить еще один девятый вал. И он не заставил себя долго ждать. Раздался звонок. «Брать или не брать трубку?» – подумала Соня. Телефон не умолкал. О Господи! Она взяла трубку и снова услышала, что только с начальственного разрешения можно передавать и получать документы... Слова, описав очередной круг, снова и снова сыпались ей в ухо. Она отложила трубку в сторону, выждала, когда там прекратится жужжание, а потом сказала только одно слово: «Хорошо», – и отключилась.

Удивительно, как в характере одного человека могут сочетаться настолько разные чувства: неуверенность, страх, что тебя кто-то подставит, пародия на властность и растерянность, желание быть в лидерах и неспособность себя подать, чтобы с тобой считались равные по должности. Железная самодисциплина, ум и трудоспособность, соседствуют со страхом что-то не успеть, кому-то не угодить. Бояться, чтобы не опередили, «вылизывать» документ до такой степени, чтобы опаздывать с ним к сроку, сводя все усилия коллектива к нулю. В Алексеевой

удивительным образом уживались потребность общения на иррациональном уровне, оказания посильной помощи страдающему человеку, сочувствия ему. При этом она отгораживалась от людей высокой стеной, делая вид, что ее совершенно не интересуют пустые разговоры о моде, кулинарии. Как можно болтать о пустяках? Она выше всех этих земных мелочей! А сама тут же задавала вопрос: «Какие цветы сажаете на даче?» Но об этом она готова поговорить, когда у нее есть настроение. А вы должны помалкивать, пока вас не спросят. И это все, как ни странно, уживается в одном человеке. Соня понимала, что люди разные и их нужно понимать и прощать, но... Ей трудно было прощать тех, кто позволял себе унижать других, особенно своих подчиненных, даже если сам бывает униженным другими.

Поговорив с начальником, Соня завелась сама. «Ну, нет, пора покинуть эти стены. Сколько можно терпеть оскорбления!». Почему-то эта мысль успокоила Соню, и она снова окунулась в работу.

Уже поздно вечером, когда она собралась уходить, позвонил Павел.

– Ты еще здесь торчишь?

– Торчу, – уставшим голосом ответила она.

– Сонь, тебе завтра утром от меня принесут материал. У меня к тебе просьба: посмотри его быстро и, как будешь готова, зайди ко мне, мы его обсудим. Хорошо?

– Не очень.

– Что так? – засмеялся Павел.

– Какого черта ты полез к Алексеевой с благодарностью? – зло процедила Соня.

В эту минуту она действительно была зла на Павла. Не позвони он Алексеевой, возможно, конфликта не случилось бы. Но тут же Соня подумала, что у директора департамента мог найтись другой повод.

Павел снова засмеялся:

– Тебе опять досталось от нее? Я уже потом понял, что подставил тебя. Я подумаю, как мне вас развести. Ну, прости меня, Соня, я больше не буду, – как мальчишка, заныл Павел, а затем с обычной своей интонацией попросил: – А материал посмотри, пожалуйста. Я уверен, что он тебя тоже заинтересует.

– Ладно! Не думай об этом. Разводить нас не нужно. Во всяком случае, пока. Наталье привет, – и она положила трубку.

Уже на выходе из банка Соня услышала веселый голос Алексеевой:

– Софья Владимировна, завтра утром зайдите, пожалуйста, ко мне. Есть задание. Вы ведь знаете, я без вас ну никак не могу.

– Хорошо, Ирина Павловна, – повернувшись к ней, весело ответила Соня.

– До свидания, Софья Владимировна.

– До свидания, Ирина Павловна.

Каждое рабочее утро начинается с упреков и унижения. На Соню это действует как холодный душ. Это обязательно, чтобы не забывалась, кто здесь начальник. По-видимому, это зарядка батареек на день. После полудня следуют недовольство и капризы, а к вечеру усталость берет свое, и поэтому начинается расслабление и объяснение в любви. И на следующий день опять в том же порядке: «Ночь, улица, фонарь, аптека...». Для машины это было бы, наверное, хорошо. Настрой соответственно программу и действуй. Но человек не машина. У Сони тоже свои биоритмы, которые требуют обуздания, да и характер, как говорит ее брат, не подарок. Вместе с тем у Сони есть ценное качество – здравый смысл, что позволяет вовремя оценить обстановку и не поддаваться минутному помешательству. Так считает ее бабушка. Правда, если происходит сбой – хоть караул кричи. Это уже частное мнение ее брата.

Глава 2

Соня открыла дверь и вышла на крыльцо банка. Побывав во многих чудесных уголках мира, каждый раз, возвращаясь в Москву, она сознавала, что для нее роднее и красивее города нет на всем белом свете. Вот и сейчас она невольно заулыбалась. «Надо чаще бывать на улице», – подумала она. Весна только-только началась, еще холодно, но сегодня был на удивление чудесный вечер, пахло весной и надеждой. Внутри что-то сжалось, и Соня медленным шагом направилась к машине. Ей нужно понять, как следует относиться к нынешнему положению, но только не сейчас. Она очень устала. Открыв дверцу машины и сев на водительское сиденье, Соня закрыла глаза.

Итак, ее зовут Соня, или Софья, или София, а можно и Софи, кому как нравится. Своим именем она обязана бабушке, папиной маме. Зинаида Сергеевна, бабушка Сони, – большая оригиналка, у нее по любому поводу есть особое мнение. Пока родители Сони размышляли, каким именем одарить девочку, бабушка, подойдя к кроватке, твердо сказала: «Нечего гадать, она вылитая Сонечка, Соня, а когда вырастет – у нее будет царственное имя – Софья». Так она и стала Сонечкой, Софьей, Софи. К бабушке у Сони претензий нет, по большому счету, ей все равно, какое у нее имя. Вообще семья Сони «с чудинкой», как она говорит. Всех мальчиков называют Владимиром, так что, когда родился ее старший брат, проблем с именем не возникло. По отцовской линии – сплошь творческие личности, и все отменно рисуют. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ее отец и брат – архитекторы. Брат – идеальный наследник своего отца и мамочкин любимчик. Он надежда и продолжатель их рода, и вообще чудо из чудес, Соня его очень любит. Мама и Соня – это две противоположности. Порой Соне казалось, что ее родила бабушка. С бабушкой у нее взаимная любовь. Бабушка называет Сониного брата Володю, своего внука, «наш оболтус», а Соню – «моя умница». По этому поводу Соня и Володя часто шутят. «Если хочешь что-нибудь сделать, – с детства внушала ей бабушка, – делай сейчас. Если хочешь сказать, говори сейчас. И, что еще важнее, ты должна все делать сама». Это стало руководством к действию и Сониным стимулом.

Когда Соня решила поступать на экономический факультет университета, мама всплеснула руками, хотя сама была врачом-кардиологом, а не художником или музыкантом. Бабушка, в прошлом известный журналист и отменная пианистка, поцеловала ее в темя и с улыбкой произнесла: «Умница». Папа покачал головой, так что было непонятно, хорошо это, по его мнению, или плохо, и изрек:

– Все это причинно-наследственные связи. Их, конечно, можно изучить и докопаться, почему именно экономический факультет, а не исторический или биологический, например, но давайте не будем этого делать.

Папа в доме – особенная личность. В маминой жизни все подчинено его желаниям, расписанию и поступкам. Все домашние должны вращаться вокруг папы – солнца и божества. А божество это хорошо просекло и сполна пользуется своими привилегиями. Все беды, если они не задевали папиной орбиты, должны были решаться домашними, а если потребуются его помощь, то он, конечно, окажет ее – кто бы сомневался. Соня и Володя не сомневались и поэтому росли «борцами».

Итак, все прояснилось: Соня отныне – исключение из правила, но исключение вполне качественное. И все успокоились. Мама не разделяла восторга бабушки и папы. Соня и папа обожали друг друга и постоянно посмеивались над собой и переглядывались с пониманием, когда возникала пикантная ситуация. Мама же шуток не понимала. Она была всегда чем-то озабочена и волновалась по поводу и без. И это не удивительно. Будучи известным врачом-кардиологом с научной степенью доктора медицинских наук, она, подчинив свою жизнь любимому мужчине, умудрилась состояться как личность; при этом дома, в присутствии мужа, пре-

вращалась просто в жену. Мама дома и мама в клинике – это два разных человека. На работе о ней говорили с придыханием, пациенты старались попасть на прием именно к ней. Там мама шутила, улыбалась коллегам и медсестрам и становилась красивой и обаятельной. Соня сама это видела, когда студенткой забежала к ней. Но это было очень давно. Теперь Соня занята и не бывает в клинике, а дома она редко видит маму веселой и довольной, за исключением тех дней, когда рядом находится брат Володя. По большей части та бывает уставшей, озабоченной, грустной. Мама считала, что Соня должна серьезнее относиться к жизни и думать, прежде чем совершать свои «необдуманные» поступки: «Тебе уже тридцать, не забывай». При этом у нее кривился рот. Она так часто об этом говорила, что если бы Соня хотела забыть, то не смогла бы. «Необдуманным» поступком, по мнению мамы, было расставание с Андреем. Для Сони мама – человек, которого она любила и не хотела огорчать, но подругами они так и не стали. Почему? Так сложилось. Дистанция между матерью и дочерью осталась навсегда. Однако, как это ни странно, мама была именно тем человеком, с кем Соня в последнюю очередь стала бы обсуждать свои сердечные дела. Почему? Соня не знала и, если честно, об этом не задумывалась, воспринимая все как должное. Когда брат над ней подтрунивал и называл злокой, она опасалась, что может стать угрюмой, как мама.

Соня через пробки пробиралась к себе на Никитский бульвар. У нее в машине на всю мощь гремела группа QUEEN. Это ее немного успокоило. Она орала вместе с солистами, и тут ее мобильник ожил. Не хотелось ни с кем разговаривать, ей сейчас никто не нужен, она сама по себе, и этого довольно. Но телефон подпрыгивал на соседнем кресле и не умолкал. Соня посмотрела, кто это, и вздохнула.

Звонил Андрей, ее бывший парень. Или гражданский муж? Соня не знала, как можно назвать прошлые отношения, но когда-то, будучи вместе, они чувствовали себя счастливыми. Сейчас пытаются быть просто друзьями, но это пока плохо выходит. В основном не получается у Сони. Расстались они три года назад при весьма неприятных обстоятельствах. После разрыва с Андреем Соня была в ужасном состоянии. Именно тогда Павел предложил ей работу в банке. Она согласилась. Жена Павла Наталья считала, что ответственна за случившееся, поскольку именно она познакомила Соню с Андреем. Это произошло на дне ее рождения. Тогда Наташа с Павлом уже поженились, и у них родился Ромка, Сонин крестник. Андрей был однокурсником Павла, они дружили еще до его учебы в Англии. В то время Андрей только вернулся в Москву. Их с Соней встреча была предрешена.

Соня хорошо запомнила тот вечер. Она увидела Андрея, как только вошла в комнату. Высокий, худощавый, темноволосый молодой мужчина с лучистыми светло-кариими глазами... На нем был темно-синий костюм, голубая рубашка со свободно завязанным галстуком. Их познакомили. У Андрея оказался необычайно глубокий и красивый голос. И все это: его восхитительные взгляды, ласковые руки, которые обнимали ее во время танца, взгляд его светло-кариих глаз, обволакивающий ее, голос, шептавший ей... В общем, у Сони снесло крышу. Что было совсем не удивительно.

Они прожили вместе два года, и все считали их парой. Все, кроме бабушки. Бабушка относилась к Андрею настороженно, словно предвидела его измену и расставание. Уже потом Соня узнала, что измены были и раньше. Ее Андрей был совсем не ее, а точнее, не только ее. Когда Соня узнала, а узнала она последней, то была на грани помешательства. Андрей так и не смог понять, что такого страшного произошло, если любит он только ее, свою единственную и неповторимую Соню. А она не могла понять, как можно любить одну, говорить ей, что любишь, и спать с другими, а главное – получать от этого удовольствие. Когда она об этом сказала своей подруге Лене, та посоветовала больше никому об этом не говорить, особенно мужчинам – смеяться будут. А Соня запретила себе думать о мужчинах вообще.

Соня почувствовала, что проголодалась и очень устала, но, вспомнив, что сегодня ей так и не удалось пообедать, только усмехнулась про себя и решила добраться домой, поесть и завалиться на диван с книгой.

Что для нее работа? Этот вопрос возник из ничего. Просто вопрос, и все, но мысли роились, заставляя искать ответа. Для одних – это только источник средств к существованию. Каким будет их существование, определяется величиной этого источника. Все просто и закономерно. А для других? Для других работа – удовольствие и главное содержание их жизни. Наверное, это здорово. А для нее, Сони Патеновской? Что для нее ее работа? Средство к существованию? Безусловно! Главное удовольствие в жизни? Соня насупилась. Конечно, нет. Ей нравится работа, она не представляет, кем бы еще могла быть. Но она может с определенностью утверждать, что это важная, очень важная часть ее жизни, но не самая главная. Правда, у нее пока нет мужа и детей, но есть большая семья, и она – часть ее. У нее есть Наташа и Лена – близкие подруги, дружбой с которыми она очень дорожит. Еще у нее есть музыка, которую она любит, и книги, без которых не может жить.

Нет, не нужно дома возвращаться к мыслям о работе. Об этом она подумает в рабочее время. Соня рассмеялась своей наивности. Все лучшие решения приходят во сне.

Глава 3

«Ну, слава богу, наконец, я добралась домой», – с облегчением вздохнула Соня, закрывая дверцу машины и направляясь в свое гнездышко. Большая квартира с просторным холлом досталась Соне от бабушки и дедушки. Здесь раньше жили они, но после смерти дедушки бабушка живет с родителями Сони в загородном доме. В Москву, на Кутузовский проспект, в квартиру ее родителей, они перебираются в конце ноября и живут там до апреля, как позволит погода. Это значит, что старшие члены семьи постоянно кочуют то туда, то обратно, тем самым доставляя Володе, старшему брату Сони, колоссальное «удовольствие» и иногда подключая к переездам и ее.

В этом году весна ранняя, и родители с бабушкой уже угнездились за городом. У Сони и Володи нет вторых половинок и нет детей, следовательно, у родителей и бабушки нет любимых внуков, которых они бы холили и лелеяли. Это вызывает у них тревогу, а у Сони и Володи – раздражение от их постоянного нытья.

Эмоциональный Сонин взрыв трехлетней давности, когда она, не объяснив причины, заявила, что больше не желает принадлежать одному мужчине и подчинять свою жизнь его капризам, так напугал родителей, что с тех пор они смотрели на нее участливо и этим заставляли ее ощущать себя жертвой. И ее личность, ее эго, от этого страдает, да еще как! В результате Соня стала реже появляться у них на даче. «У меня много работы», – объясняла она родным. Володя понимал сестру, поскольку был посвящен в ее историю, и всячески поддерживал ее. Отчасти в это была посвящена и бабушка.

Соня занялась домашними делами: вымыла помидоры и зелень, приготовила салат, заложила в стиральную машину белье, приняла душ. Но, посмотрев на салат, решила, что он не поможет ей избавиться от хандры, сделала бутерброд с маслом и красной рыбой, открыла бутылку шардоне, поставила диск IL VOLO и устроилась на диване. В этот момент раздался звонок.

Звонила Наташа, жена Павла. С ней Соня познакомилась во время учебы. Так получилось, что в первый же день занятий они оказались рядом на одной скамье в аудитории экономического факультета университета и с тех пор дружат. Соня и Наташа были абсолютно разные как по внешности, так и по характеру. Наташа – тоненькая, голубоглазая блондинка с густыми волосами. Соня чуть ниже ее, тоже хрупкого телосложения, шатенка со стрижкой и большими зелеными глазами, которые завораживали, когда она, взмахнув своими роскошными ресницами, смотрела удивленно и строго. Наташа – нежная, с плавными движениями, томная, с неизменной ласковой улыбкой. Соня – порывистая, темпераментная, в ней чувствуется ум, твердость характера и способность к принятию неординарных решений, которые когда-нибудь «шарахнут по ее чокнутой башке», о чем неоднократно предупреждал ее старший брат. Тем не менее они подружились. Противоположности притягиваются – это, по-видимому, был тот самый классический случай.

На третьем курсе Наташа рассказала о знакомстве с Павлом, который был на девять лет старше ее. На их свадьбе Соня была свидетельницей. Когда родился Ромка, она стала его крестной. Теперь Наташа – нежная и любящая жена, заботливая и трепетная мамочка, хозяйка большого красивого дома и верная подруга.

– Сонечка, это я, – торопливо сказала Наташа. – Извини, что звоню так поздно. Как там по этикету – до десяти? А сейчас уже начало одиннадцатого. Извини, но я только освободилась. Сама понимаешь, Павел возвращается поздно, и мне нужно его покормить...

– ...и обогреть, – перебивает ее Соня. – Надеюсь, что он уже ест сам? И что это ты вдруг вспомнила об этикете? Читаешь классику или вышиваешь салфетку? Прилежная любящая жена и нежная мамочка! Уверена, что в доме все идеально.

Она пыталась шутить, но Наташа не обратила внимания на ее колкость. Она уже привыкла к шуткам Сони на эту тему. Ее забота о своих мальчиках давно стала предметом постоянного подтрунивания подруг. Наташа, отказавшись от карьеры, всю себя посвятила Павлу и Ромке. Соня радовалась счастью подруги и вместе с тем боялась, что однажды та поймет, что в ответ не получает того, что делает человека счастливым. Сказать об этом Наташе она не решилась. Оставалось надеяться на чувства Павла.

– Павел рассказал мне, что снова подставил тебя. Честное слово, я его отругала. Он обещал так больше не делать.

– Надеюсь, что он обещал торжественно, – засмеялась Соня.

– Слава Богу! Ты смеешься. А я переживала. Милая, я знаю: тебе в банке достается. Павел сказал, что уже не может без тебя обходиться, что ты клад. Я просила, чтобы он подумал, как тебя оградить от этой дамы.

– Думаю, что тебе не следует вникать в этот вопрос. Ты ведь знаешь, что меня непросто обидеть. Да и дама, слава богу, страдает только по части своего характера, а с головой у нее все в высшей мере нормально. Это меня как раз и устраивает. Удивительно, что делает с нами страх. Страх лишиться престижной работы или не получить ее, страх потерять любимого или не полюбить совсем, страх за свою семью... И там, похоже, случай номер один.

– Соня, ты читаешь мои мысли. Чужой страх не должен портить твою жизнь. У каждого из нас свои демоны. И обидеть тебя легко. Мне ли этого не знать? Это ты думаешь, что сильная, а я знаю, какая ты ранимая. Я тебя люблю и всегда буду тебя защищать.

Соня рассмеялась и почувствовала, что успокаивается:

– Это так удобно, когда твоя подруга – жена твоего босса. Ладно уж, защитница моя. Уже поздно, возвращайся в семью. – «Чмокнув» ее в телефон, Соня отключилась.

Глава 4

По звонку будильника Соня с трудом заставила себя открыть глаза. Рассветало. Повернувшись на бок, Соня решила, что никакая сила не заставит ее подняться, и по настроению включила второй концерт Рахманинова. Лежа в кровати, послушала первые фортепианные аккорды, а когда музыка стала разливаться вширь, заполняя все пространство квартиры, Соня поднялась и направилась на кухню приготовить кофе. Она была вся там, в музыке, над вечным покоем. Когда она слушала этот концерт, перед глазами возникала церквушка на утесе с картины Левитана, качаемые ветром кроны деревьев. И видела она все это, словно с облаков, которые проплывают высоко в небе. В этот момент Соню лучше не трогать. Ее охватывало чувство сладкой печали, и те, кто об этом знал, старались в такие моменты ее не тревожить. Но потом она становилась тихой и ласковой.

Была хорошая весенняя погода, но еще холодно, и поверх платья Соня надела свое любимое белое пальто, взяла сумку и направилась к лифту, который как раз остановился на ее этаже. Тихая жизнь Сони закончилась, когда дверь лифта открылась и она услышала голос Ильи, соседа с пятого этажа:

– Привет, соседка. Это я остановил лифт на твоем этаже. Ты рада?

– Привет. Конечно, я в восторге, – улыбаясь, ответила Соня.

Илья – худой очкарик с красивой бородой, голубыми глазами и яркими чувственными губами. Он доктор исторических наук, преподает в университете, фанат своего дела и говорит захлеб о студентах, раскопках, скифах, славянском периоде.... Соня любит с ним поболтать, но сейчас раннее утро, и им нужно спешить по своим делам.

– Надо увидеться, ты как считаешь? – с улыбкой спрашивает он.

В этот момент они уже вышли из подъезда и оказались на улице.

– Ты ведь знаешь, я всегда за. Привет Алене.

Махнув на прощание рукой, Соня направилась к своей машине. Ранним утром в Москве еще нет пробок. Они появятся позднее, когда подтянутся машины из пригорода, а сейчас ехать – одно удовольствие. От Никитского, где Соня живет, до Сретенки, где работает, в это время можно доехать за двадцать минут.

В коридорах банка еще тихо, рабочий день начнется только через сорок минут. Как только Соня вошла в свой кабинет, раздался звонок. Звонила Алексеева, но Соня решила дать себе десять минут тишины и покоя и трубку не сняла, а подошла к шкафу и стала снимать пальто. Через пять минут снова звонок, и она, вздохнув, ответила.

– Вы уже пришли? – И, не дожидаясь ответа Сони, директор строго приказала: – Зайдите, пожалуйста.

Взяв блокнот и ручку, Соня направилась в кабинет Алексеевой. Рабочий день начался.

Когда через час она вернулась к себе, стол ее все еще был пуст. Пришлось звонить Павлу, но его рабочий телефон не отвечал, а на мобильный телефон Соня не стала звонить. Набрала номер его секретарши:

– Верочка, – ласково обратилась Соня, когда та через минуту подняла трубку, – доброе утро. Это беспокоит Софья Владимировна. Павел Андреевич мне вчера вечером дал срочное задание и сказал, что сегодня утром материал будет лежать у меня на столе. Но его у меня нет. Где он?

– Да-да, Софья Владимировна, – Соня представила, как Верочка подпрыгивает в своем кресле, – этот материал у меня, но курьер будет позднее. Как только он появится, попрошу его принести вам.

– Мы теперь работаем по расписанию курьера. Ясно. Интересно, а когда он появится? А если не сегодня, а только завтра? И появится ли вообще? – с еле скрываемым раздражением спросила Соня.

– Не могу вам ответить на этот вопрос, Софья Владимировна, – мило пропела в трубку Верочка.

Соня почувствовала, что начинает заводится, но этого категорически делать нельзя, иначе весь день пройдет насмарку. Она взяла себя в руки.

– Спасибо, Верочка, все поняла. Сейчас к вам зайдут и заберут его для меня.

– Та-да-дам-м-м! – пропела Соня, положив трубку и, тяжело вздохнув, подумала: «Вот бы мне такую выдержку, и чтобы при этом внутри ничего не напрягалось. Этому научиться нельзя, с этим рождаются. Она, наверное, обо мне уже забыла».

Наконец материал оказался у Сони. Теперь можно им заняться, пока отдел выполняет полученное утром задание. Соня разобралась с бумагами, сделала на полях пометки, сверила с уже сделанными ею прогнозами. Порадовалась, что практически все прогнозируемые показатели по стране на ближайшие три года учтены ею в прогнозах, за исключением некоторых моментов. Поразмышляла над этим и поняла, что не может согласиться. «Это нужно обсудить с Павлом», – решила Соня.

Тут принесли подготовленную докладную для руководства банка. Соня стала смотреть материал. «Молодцы», – подумала она. Затем еще раз перечитала, убрала два лишних абзаца, включила некоторые показатели и поправила кое-где текст. Времени оставалось мало, и она попросила с поправками поторапливаться. Знала, что этого можно не говорить. Сотрудницы и сами все знают. И тут началось, как всегда, самое неприятное в ее работе – звонки с требованием срочно дать докладную, которые повторялись с периодичностью в две минуты. Соня встала и пошла в отдел, где вносили исправления в докладную. Ей было стыдно стоять над душой, но у нее не было иного выхода, она не могла вернуться в кабинет и продолжить работу или пойти к Павлу с его материалом.

Когда докладная была доработана, Соня тут же принялась ее читать и, если находила опечатки, сразу исправляла. Вошла Алексеева и при всех стала выговаривать Соне, что она ей звонит, а та не берет трубку:

– Вы должны находиться в своем кабинете, – строго сказала она Соне, – а не ходить по отделам. Пусть они к вам приходят. Я вам делаю очередное замечание.

Соне было неприятно это слышать, но она знала, что спорить с Алексеевой нет смысла. И потом, они ведь не одни. Перепалка здесь неуместна. Она просто молчала и ждала, когда принтер распечатает докладную. Ей показалось, что он стал медленно работать, а ее начальник протянула руки, чтобы выдернуть листы из внутренностей устройства. Ускорить работу принтера Соня была не в силах, оставалось только ждать. А ждать, стоя рядом с нетерпеливым человеком, мучительно трудно. Соня отошла в сторону, и в комнате воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая шумом работающего принтера.

Наконец докладная оказалась в руках у Алексеевой, и она бросила Соне через плечо:

– Идемте.

«Что за манера заставлять меня присутствовать при чтке материала? Я его уже читала неоднократно. У меня полно работы, нужно идти к Павлу». Соня вздохнула, взяла себя в руки и пошла следом.

Она сидела напротив и видела, как Алексеева черкала подготовленный материал, ставила стрелочки то тут, то там, а затем изрекла:

– Сколько можно вам говорить, что я не люблю слово «поскольку»? Нужно писать «учитывая изложенное», и слова «по мнению» исключите. Заберите свой позорный материал и идите правьте.

«О да! Это действительно так, – подумала Соня, – нелюбовь – это сильное чувство. Мне, например, не нравится, когда со мной так разговаривают. Еще я не люблю, когда всех вокруг считают ничтожными, а себя – самой умной».

Проект докладной Алексеева, не глядя на Соню, бросила ей через стол, как будто это была макулатура.

– И еще. Скажите своим подчиненным, чтобы они не подкладывали правленный экземпляр, он пачкает мне руки. Я постоянно об этом твержу.

«Она ведь постоянно об этом говорит», – пронеслось в Сониной голове. Проклиная все на свете, Соня взяла исчерканную вдоль и поперек докладную и передала в отдел править. При этом она не произнесла ни слова. Через десять минут появилась начальник отдела, и стала выговаривать:

– Соня, ты посмотри, что она поправила! Только слова, и ничего по существу. Все осталось наше, а тут из-за вставленного слова получилась чепуха. Ты посмотри, Соня, посмотри, – с обидой в голосе сердилась она.

Но что Соня могла сделать? Она понимала и принимала слова возмущения, но сотрудники должны выполнять задания руководства, даже если те произнесены неподобающе грубо. Растерзанная докладная – это результат несдержанности и злости. В этом есть и Сониная вина. Она по себе знает, как раздражает отсутствие на рабочем месте специалиста, когда он срочно нужен. Но это никому не дает права вести себя с ним неподобающе грубо, и она научилась держать себя в руках. Тяжело переживая каждую допущенную ошибку, Соня замечания специалистам всегда старается произносить тихим голосом. Достаточно только обратить внимание тех, кто относится к делу ответственно, а на тех, для кого рабочее время тянется нестерпимо долго, бесполезно и кричать. Но хорошим руководителем Соня себя не считает. И на это есть веская причина. Она так и не смогла быть справедливой в распределении работы. Если возникает необходимость подготовить срочный материал, то работа достается самому способному и быстрому. А учитывая, что срочные бумаги у них постоянно, вывод напрашивается сам. Соня знает, что это неправильно, но снова и снова так поступает. Она пытается это компенсировать премиями, должностным окладом... Но это все равно несправедливо.

– Успокойся, пожалуйста, Марина, все нормально. – Соня попыталась успокоить коллегу и, не читая, завизировала докладную. Затем попросила передать материал в секретариат и напомнить секретарю, что он срочный. И умоляющим голосом произнесла: – И, пожалуйста, не подкладывайте черновик, а то Алексеева меня уже изнасиловала. Она мне об этом постоянно напоминает, а я – тебе. Мы словно играем в поддавки. Нехорошо. Пожалуйста. Такую малость можно и запомнить. Попроси, пожалуйста, всех еще раз от моего имени.

– Но так удобнее проверять, – не сдавалась начальник отдела.

– Алексеева думает по-другому. Это ее право, в конце концов. Пожалуйста, проследи, или пусть мне приносят все материалы, чтобы я проверяла.

– Ну, вот еще. Не волнуйся. Все уже знают, а это случайно проскочило. Бывает.

Соня согласилась, что такое возможно при их объеме работы. Покончив с этим вопросом, она зашла в отдел, поблагодарила специалистов за хорошую работу и отпустила их на обед. Как только она открыла дверь своего кабинета, раздался звонок телефона. Сняв трубку, Соня услышала восторженный голос:

– Правда, теперь хорошо получилось? Вам нравится? Так ведь значительно лучше, да, Софья Владимировна?

Из Сони словно выпустили воздух. Она была обескуражена. Что на такое можно ответить? Она промычала что-то бессвязное в ответ и помчалась к Павлу. Он просил прийти утром, а уже полдень.

Глава 5

Когда в гостях у родителей Павла Наталья познакомилась с ним, он тут же проявил к ней интерес. Еще бы – такая красавица. Да и Наташа заиклилась на нем. В первое время она не могла ни о ком другом говорить. Ах, какой Павел замечательный! Павел сказал то, Павел сказал это. А главное, что бы Павел ни сказал, – все гениально. Когда Соне и Лене надоело слушать вздыхания влюбленной души, подружки потребовали, чтобы им срочно его представили на «утверждение». Это было идеей Лены.

Лена – школьная подружка Сони: девочки всегда сидели за одной партой, проводили вместе каникулы и все тайны рассказывали друг другу. Лена была своей в кругу Сониной семьи. Бабушка любила заплетать ей косы и говорила, что такой девочке трудно будет найти пару: слишком красива и слишком умна. С длинными русыми волосами, озорной улыбкой, внимательными карими глазами и острым язычком, Лена была одной из красавиц школы. Даже когда она задорно улыбалась, ее глаза внимательно изучали собеседника, и, только бывая вместе с Соней, она расслаблялась, и в ее глазах начинали плясать чертики. Она знала, что Соня ее любит, что та без нее не может, что той важно ее мнение, и этим умело пользовалась, а Соня, зная обо всех уловках подружки, снисходительно указывала той на ее проделки.

Соня познакомила Лену с Наташей и та, оценив ее, сказала: «Наш человек». С тех пор они дружили втроем, при этом Лена помыкала Натальей, а той, похоже, это нравилось. Подружки все разные, но им очень хорошо вместе, они чудесным образом дополняли друг друга. После того, что случилось с Соней три года назад, Лена и Наташа объединились и теперь постоянно учили ее, как жить. Соня с интересом наблюдала за их потугами, и ей это даже доставляло наслаждение. Она не сопротивлялась, но и слепо не следовала их наставлениям.

Итак, Павел, которому подружки Наташи поставили оценку «отлично». При появлении Сони он вышел из-за стола, коренастый, широкоплечий, с намечающимся животиком, элегантный, в белоснежной рубашке и, как всегда, в красивом галстуке и, подойдя, чмокнул ее в щеку.

– Привет. Непременно доложу твоей жене, что ты в рабочее время целуешь своих подчиненных, – серьезно сказала Соня.

– И пожалуйста, скажи ей, что я целую только красивых и умных подчиненных, – засмеялся тот.

– Это ты сам скажешь, когда будешь оправдываться. – И она протянула ему документы.

Около часа обсуждали проект макроэкономического прогноза развития экономики на три ближайших года. Соне было легко общаться с Павлом. Тот уже ознакомился с проектом, и сейчас ему важно было обменяться с ней мнением. Он, как и она, уперся в показатели, которые вызывали у Сони сомнения. Они так увлеклись, что не замечали звонков своих телефонов, а если они им докучали, то просто сбрасывали их.

Дверь кабинета тихонько открылась, и показалась голова Верочки, секретаря Павла:

– Павел Андреевич, уже неоднократно звонит председатель. Мне нужно ему что-то сказать?

Павел поднял голову, посмотрел внимательно на Верочку, а затем рассмеялся:

– Нет, Вер, ты лучше ничего не говори. Передай, что я сам позвоню.

Когда голова Верочки скрылась за дверью, он снова рассмеялся, а затем вздохнул:

– Вот черт, надо звонить. Спасибо тебе, умная красавица. Мне с тобой хорошо. Твоя, небось, с ума сходит, где ты. Да, чуть не забыл. В Лозанне через две недели состоится международный экономический форум или конференция. Вещать будут на английском. Я хотел сам туда махнуть, но подумал, что тебе нужно расслабиться и побывать на людях. Это пойдет на пользу и тебе, и банку. Прими это как мое извинение. А потом, ты у нас полиглот и сможешь пообщаться на английском и французском, а если будут немцы – то и на немецком.

– На немецком я хуже. Ты ведь собирался сам?

– А, перестань. У меня здесь дела, а то бы я махнул с тобой, – он кокетливо улыбнулся. – Еще раз спасибо.

Когда Соня выходила из кабинета, Павел уже звонил председателю. Верочка взглянула на нее, подняв вопросительно бровь, а Соня, пожав плечами, ответила ей очаровательной улыбкой. «Интересно, как будут развиваться события. Поживем – увидим!»

Еще не дойдя до своего кабинета, Соня уже знала, что ее разыскивают с собаками. Вздыхнув, она направилась в кабинет начальника, по дороге подумав, что когда вернется к себе, то позвонит и предупредит Наталью, что на глазах всего банка – а Верочка и есть его глаза и уши тоже – она уединилась с ее мужем.

– Где вы были? – с раздражением спросила Алексеева, когда Соня вошла в ее кабинет.

– Обедала, – устало соврала та.

Сказать, что была у первого заместителя председателя банка, означало вызвать бурю вселенского масштаба и нудную лекцию на тему, что она должна делать, а что делать ей категорически запрещено. Она понимала, что директор все равно узнает, и ее вранье только на короткое время отсрочит экзекуцию. Верочка, конечно, растрезвонит по банку, но это будет потом, а сейчас у Сони было только одно желание – вернуться в свой кабинет и заняться делом.

– Но обед ваш длится сорок пять минут, а вас не было больше часа.

Соня пожалала плечами:

– Много заказала и медленно ела, – ответила она и стала ждать, что будет дальше.

– Надо есть быстрее, – с нажимом на слово «быстрее», недовольно произнесла начальник. – Я прошу вас успевать обедать в отведенное для этого время.

Последовала пауза. По-видимому, она была сделана, чтобы Соня могла осознать отвратительность своего поступка.

– Я вам делаю замечание. И вы не отвечали, когда я вам звонила на мобильный телефон.

– Я оставила телефон в кабинете, – с трудом сдерживая себя, ответила Соня и, поняв, что допустила ошибку, покорно стала слушать продолжение.

– Сколько можно говорить, чтобы вы всегда и везде ходили с телефоном?

Раздражение Алексеевой зашкаливало, тон был капризный и нравоучительный, и Соня подумала, что если бы это было возможно, ее сейчас поставили бы в угол или лишили десерта. Впрочем, могло произойти и то и другое. Возможно, она это заслужила. Врать нехорошо. Материал все равно придет на заключение через секретариат. Ну, пообщалась она с начальником своего начальника! Если бы Соня не была уверена, что это вызовет истерику, она не стала бы скрывать и все бы сейчас доложила. Но она ответила:

– Извините за подробность, но я живой человек и бываю в туалете. Не могу же я и туда ходить с телефоном, если в моей одежде сегодня нет карманов?

– Не нужно мне говорить о таких подробностях.

– Тогда не нужно спрашивать, где я была. Если меня нет на месте, дайте поручение своему секретарю, и она меня найдет. Я, как правило, ставлю ее в известность, когда отлучаюсь.

С возмущением произнесла эту тираду, Соня стояла и молчала, кляня себя и Павла последними словами за свое вранье. Молчала и Алексеева.

– Распечатайте еще два экземпляра докладной.

– И это все?

Соня посмотрела с упреком на директора, но та молчала.

– Да конечно. Вам сейчас принесут, – улыбаясь, тихо пообещала Соня и вышла из кабинета, неслышно прикрыв за собой дверь.

Все уже знали, что Соня дверь намеренно закрывает осторожно, чтобы обуздать желание грохнуть ею изо всей силы и разнести этот чертов кабинет в щепки. Сжав губы, чтобы не

ругаться вслух, она быстро понеслась по коридору к своему кабинету и буквально врезалась в коллегу.

– Какое счастье, что ты нашлась! – сказал шедший навстречу Константин, начальник управления рекламы. – Теперь твоя очередь гасить капризы.

– Привет. У тебя старые новости. Нет, милый мой, – с сарказмом бросила Соня, похлопав того по плечу, – ты еще не отработал утро. У меня оно было длинным и весьма плодотворным. Надо мной целое прекрасное весеннее утро измывались. И сейчас я оттуда, – Соня развела руками. – Теперь твоя очередь до конца дня, а я пойду поработаю в свое удовольствие. Должна же и я получать удовольствие от всей этой...

Соня не произнесла грубого слова – она воспитанная девушка, но так хотелось его сказать. Оно вертелось у нее на языке, но, как и в эпизоде с дверью, она обуздала свою ярость и улыбнулась Косте. Они обменялись улыбками и разбежались. Между Соней и Константином были хорошие товарищеские отношения. Он часто показывал Соне фотографии своих близнецов и жены. Соня была для него рубахой-парнем, которому можно поплакаться в жилетку и доверить свои тайны. И, похоже, она оправдывала его надежды. Он захаживал к ней в кабинет, чтобы поделиться своими мыслями и переживаниями по поводу унижений, которым подвергается у Алексеевой. А главное, он мог почувствовать, что такой не один. Соня выполняла функцию психолога. Они начинали разбирать ситуацию, а затем Соня переводила разговор на его семью, и заканчивали беседу с оптимизмом: главное – это семья, люди, которых ты любишь, а все остальное можно потерпеть. И Костя с улыбкой выходил из ее кабинета. А Соня уже в который раз задумывалась, не поступить ли ей в университет на факультет психологии. Она, пожалуй, последует совету отца: прослушать курс в Сорбонне. В психологии тоже аналитика, как и в банке, но если здесь цифры, различные факторы, влияющие на показатели в экономике, то там – действия и факты наших поступков, и влияние их – как на собственную судьбу, так и на судьбы других людей.

Соня набрала номер телефона Наташи:

– Привет, – ласково прошептала она, – ты как?

– Привет. Я уже все знаю. Ты больше часа была в кабинете моего мужа. Вы никого не впускали и ни с кем не разговаривали по телефону, даже с председателем. Вот! Я все правильно пересказала?

– Как быстро доходит до тебя информация! Просто диво дивное. Мне остается только мечтать, чтобы так быстро поступали документы из приемной. Об этом нужно подготовить научный доклад, как ты считаешь? – Соня услышала смех подруги и продолжила: – Признаюсь. Все правильно, и это чистейшая правда. Ни одна пылинка не успела на него сесть. А еще твой муж поцеловал меня в щеку и сказал, что я умная и красивая. Но Верочка этого не видела, и поэтому ты не знаешь. Вот! – засмеялась Соня. – На Верочек надежды мало, так что будь на чеку, дорогая.

– Ну, это уже слишком, – рассмеялась Наталья. – Велю, чтобы он общался с тобой только в присутствии Верочки.

– О! Это жестоко. Прости нас, но только не Верочка. Да, я тебе хотела сказать, что он у тебя франт: костюмчик весьма-весьма классный, белоснежная рубашечка, красивый галстук. Наряжаешь своего миленького, откармливаешь.

– Я делаю это с удовольствием, а этот галстук, между прочим, привезла ты из Англии.

– Ладно-ладно. Чего уж тут. Ты только не откармливай его, пожалуйста, а то живот уже появляется, заставляя за собой бегать, а то будут говорить, что я его пассива.

Они стали обе смеяться, а затем Наташа серьезно спросила:

– Паша тебе сказал про Лозанну?

– Паша – нет, а вот Павел Андреевич – сказал. Ясно. Это, конечно, была твоя идея? – усмехнулась Соня.

– Идея? Можно и так сказать. Он сообщил, что получил приглашение, а я предложила, чтобы полетела ты. Полетишь?

– Еще не знаю. Я не думала об этом и, если бы сейчас ты не спросила, то попросту забыла бы.

– Сонечка, миленькая, я тебя очень прошу, – в голосе у Наташи звенели слезы, – тебе нужно отвлечься, ты почти два года по-настоящему не была в отпуске. Ты загонишь себя. Тебе нужно внедриться в другую среду и отвлечься от будней.

– Внедриться куда? – засмеялась Соня.

– Ну, слава богу! Ты смеешься. В субботу мы тебя ждем. Да, еще я тебе хотела сказать, – и Наташа замялась, – в субботу должен быть, – снова пауза, – Андрей. Он ведь друг Павла и крестный Ромы, это муж его пригласил. Я уже его отругала, а он сказал, что пора с этим уже покончить и двигаться вперед и тебе, и ему. Ты не обидишься на меня, – она тут же поправилась, – на нас? Нет?

«Оговорка по Фрейду», – мелькнула мысль у Сони, но она отогнала ее за ненадобностью. На миг Соня оцепенела, а потом ее вдруг осенило: Павел прав, ей уже давно пора двигаться вперед. И с Андреем пора поговорить, а не сбрасывать его звонки. Нет смысла убегать от прошлого. Прошлое – в прошлом, но почему оно так болит?

– Все нормально. Павел прав, уже пора. Я полечу в Лозанну и постараюсь внедриться, как ты сказала, в другую среду. Поцелуй от меня нашего Ромочку. Пока.

«Как хорошо, что у меня есть Наташа и Ленка, как хорошо, что у меня есть мои родные и замечательный братец-юморист Володенька», – со счастливой улыбкой подумала Соня.

Не успела Соня отключить телефон, как по местной «вертушке» раздался звонок Павла. Соня подняла трубку, боясь снова оказаться между двумя начальниками.

– Да, – чуть слышно сказала она.

– Тебя плохо слышно, – сердито проговорил Павел. – Вызови мастера. – Затем, не теряя время на пустяки, строго приказал: – После шести у меня будет совещание Ты должна быть.

Соня испугалась, что он сейчас положит трубку, и она не успеет опротестовать его указание.

– Подожди! – почти прокричала она в трубку.

– О, и телефон заработал, – не без ехидства заметил Павел. – Что еще?

– Не мог бы ты сообщить мне об этом через Верочку?

– Сонь, уволь меня, пожалуйста, от ваших женских штучек, – Павел не на шутку сердился.

– Это не женские штучки, – Соня тоже начала сердиться. – Ты ошибаешься, если так считаешь. В конце концов, Алексееву можно понять. Меня бы тоже не устраивало такое положение вещей. Это ненормально. Ты мешаешь нам работать.

– Что? Что я делаю? Я вам мешаю? Так давай уволим меня.

Соня услышала, как он стал натужно кашлять.

– Выпей воды. Станет легче.

– Спасибо. Ты у нас добрая, – прохрипел он.

Соня услышала звуки льющейся воды.

– Полегчало? – спросила она, но Павел пропустил ее вопрос мимо ушей.

– Что ты от меня хочешь?

– Хочу, чтобы ты спустился со своего Олимпа, позвонил своему секретарю и поручил ей пригласить меня на совещание, как она сделала с другими твоими подчиненными. Тебе это будет стоить два слова, а мне – и Алексеевой, думаю, тоже – сохранит несколько жизненно важных нервных клеток. Спасибо за понимание.

Соня услышала на другом конце провода сердитое сопение, а затем только одно слово:

– Ладно. – И Павел отключился.

Через несколько минут позвонила Верочка, и только тогда Соня поднялась и отправилась к директору с докладом. Та, не поднимая головы от бумаг, сказала, что ей об этом сообщила секретарь заместителя председателя банка, и она по дороге к нему зайдет за Соней, чтобы пойти вместе.

В кабинет Павла они вошли вместе и сели за стол совещаний – рядом. Павел поздоровался с ними кивком головы и чуть заметно улыбнулся. Соне ничего не оставалось, как только опустить голову. На протяжении всего совещания она не проронила ни слова.

– Софья Владимировна, – обратился к ней Павел, когда совещание подходило к концу и все, кроме Сони, высказались по обсуждаемому вопросу. – Я хотел бы услышать ваше мнение.

У Сони внутри все сжалось, и она уже собиралась сказать, что у нее нет особого мнения, как тут же произнесла:

– Со всем, что здесь было сказано, можно было бы согласиться, если бы не одно «но»...

Всем было предложено еще раз хорошо взвесить все «за» и «против» и собраться завтра. На завтра Соня приглашена не была. Да, собственно, она уже Павлу была не нужна. Он принял решение тем же вечером, о чем сказал Соне по телефону, поблагодарив ее.

Глава 6

В субботу у Ромки, крестника Сони и Андрея, день рождения. Наталья, как всегда, устроила роскошный праздник с детьми и их родителями, клоунами, шариками. Как сообщалось в приглашении, праздник должен состояться в загородном доме четы Суховых в 14 часов. Ниже была приписка, сделанная рукой Наташи: «Для тебя явка обязательна. Мы с Ромочкой тебя очень ждем».

Соня купила огромный, роскошный пожарный катер с водяными пушками и со всеми другими важными для такой посуды причинами. Весь вечер рассматривала его – игрушка ей очень понравилась. Затем она долго обсуждала по телефону с Леной, как лучше эту махину упаковать. В конце концов решили, что Лена приедет к ней в пятницу вечером и останется на ночь, а на следующий день они на Сониной машине поедут на праздник. Дошутились до того, что прихватят с собой ружье с целью прикончить наконец Андрея, чтобы тот не путался у них под ногами. Отсутствие ружья девушек не смущало, главное – они определились, и от такой перспективы им стало весело.

В пятницу Соня опять просидела до позднего вечера в офисе и, когда подъехала к дому, на своем парковочном месте обнаружила машину Лены. «Черт, она всегда так, – буркнула она себе под нос и припарковалась на свободном месте Андрея Ильича, соседа с третьего этажа. – Теперь он перестанет меня обожать, как всегда говорит, и поделом мне, – подумала Соня со вздохом, – вот так лишаешься обожателей».

Лена помахала ей рукой и очаровательно улыбнулась.

– Могла бы не улыбаться, все равно не прощу, – пробормотала себе под нос Соня. Выйдя из машины, она направилась к Лене. О боже, сколько же у нее было вещей! Соня не стала говорить подруге об этом, но по ее округлившимся глазам та все поняла сама.

– Да. И не злись, пожалуйста. Я собираюсь завтра всех сразить наповал.

– Чтобы получился лесоповал, – съехидничала Соня, – вот только кого ты собираешься сразить? Случайно не нашего Павлика или того придурка, мужа Валентины?

– Можно подумать, кроме Павлика, других нет. Наташа сказала, что будет аншлаг из классных мужчин.

– А Наташа тебе не сказала, что у этих классных мужчин – аншлаг классных жен? Не сказала! Я по твоим глазам вижу, что не сказала. Бедняжка! Не огорчайся, они все тебя недостойны, а потом, тебе все равно не угодишь, – Соня махнула рукой. – Ты у нас красавица, а они уже облезлые, хоть и классные. Как ни прискорбно сознавать, но у нас на сегодня только Павлик в наличии, чтобы говорить нам комплименты и подливать в бокалы шампанское. Да, вот еще Андрей, снова нарисовался. Но, возможно, он будет не один.

– Это тебе Наташа сказала? – широко раскрыв глаза, прошептала Лена.

– Нет. Она этого не сказала. Но почему нет? – Соня возмущенно подняла плечи. – Он взрослый мальчик и может иметь подружку. Или ты считаешь по-другому?

Лена только покачала головой, но это могло означать что угодно.

– Он не смог продержаться и двух лет, чтобы не навесить мне роскошные рога.

– У женщин рогов не бывает, – Лена с сожалением посмотрела на Соню.

– У женщин, может быть, и не бывает, а у меня были. Я их чувствовала, и поэтому у меня так часто болела голова. Одно меня утешает, что они были роскошные.

– Твоя голова болит от мигрени, а не от рогов. У тебя их нет, потому что ты женщина.

Лена засуетилась:

– Я ничего на его счет не думаю. Просто хочу, чтобы Павлику было не одиноко. А Андрей не в счет. Мы ведь решили его ликвидировать, – хмыкнула она. – А потом, Андрей куда не

пропадал. Он постоянно на горизонте, тенью бродит за тобой. Сонь, и тень одна-а-а. Нет у него подружки, если только девицы по вызову. И это факт.

После этих слов Лены Соня брезгливо сморщилась, но от комментария воздержалась.

– Хорошо, что это только тень Андрея, а не тень отца Гамлета. Ты наивная у нас. Как проснется с кем-нибудь, так сразу же за мной начинает бродить. Побродит-побродит, а затем отсыпается с другой.

– Этого я утверждать не берусь, – спокойно глядя на Соню, проговорила Лена. – Не слышала, не видела, не присутствовала. Врать не буду.

Соня не стала продолжать разговор об Андрее, а только подумала, что и сейчас ей все еще трудно и больно встречаться с ним. Нет, не больно, а, пожалуй, уже стало неуютно. Как говорят, если к мужчине испытываешь полное равнодушие, когда его поступки и жизнь больше не волнуют, то значит, любовь прошла. Наверное, Соня уже близка к этому. Нужно только, чтобы произошло что-то. Но что?

– Ну-ну. Дерзай, а я посмотрю, – улыбнулась она.

Целый вечер подруги провозились с катером, пытаясь коробку завернуть в подарочную бумагу, но та топорщилась, а при натягивании рвалась на углах. Изрядно намучившись, уже поздно ночью исследовали коробку и, убедившись, что та в отличном состоянии, ну, почти в отличном, решили отказаться от подарочной бумаги. Там, где обнаружили дефекты, подкрасили, подклеили, и получилось вполне прилично. Синей лентой перевязали подарок, и на этом успокоились.

Субботнее утро. Погода отличная, теплая, но ветреная, одним словом – весенняя. За окном пели птицы, и Соня пробормотала:

– Почему я не птичка, почему не летаю?

– Птица, – сонно буркнула Лена и повернулась на другой бок.

– Что «птица»? – не поняла та.

– Надо говорить «Почему я не птица?», так у Островского, – потянувшись, пробормотала Лена.

– Это у Островского «птица». Предполагалось, что купеческая жена-красавица должна быть большой, в смысле веса, а у меня «птичка», потому что... – Соня вздохнула и потянулась, – ...потому что нам пора вставать. Ты сейчас начнешь, не знаю, для кого ты будешь наряжаться, но тем не менее уверена, что на это уйдет уйма времени. Чур я первая под душ!

– Давай, – пробормотала Лена и снова перевернулась на другой бок.

Когда Соня и Лена подъехали к дому четы Суховых, праздник уже начался. По лужайке бегали дети и верещали. Прыгал клоун, по дорожкам чинно прохаживались жены присутствующих мужей, а мужья окружили стол, уставленный всевозможными напитками, размахивали руками и громко смеялись. Все были нарядно одеты: дамы в платьях и пальто, в туфлях на каблуках, с прическами, мужчины в костюмах. Как и предполагала Лена, Сонин туалет явно отличался от других. Она знала, что будет играть с Ромкой, и, конечно, удобнее ей будет в джинсах. Поэтому надела узкие джинсы, белую блузку, на ноги – удобные кеды, а сверху, поскольку был прохладный ветерок, набросила кашемировое полупальто. Лена же нарядилась, как подобает изысканной и модной девушке, ищущей под стать себе пару. Правда, ей хватило ума не натянуть высокие каблуки.

Вот такими они появились перед собравшимися гостями: Соня, целеустремленная, с огромной коробкой с синим бантом, и расфуфыренная Лена, вцепившаяся в коробку с другой стороны.

С криком «Соня, Сонечка, приехала!» к ним мчался Ромка.

Весь потный от беготни, он обнял Соню своими ручками и прижался горячим тельцем. Она прижала его к себе, и у нее от восторга навернулись слезы. Подошла Наташа, элегантная,

с томной улыбкой и с тревогой в глазах. Она обняла Соню, и та ей прошептала: «Все нормально, не волнуйся, у тебя сегодня праздник, так празднуй его». Они еще раз обнялись. Боковым зрением Соня увидела Андрея, стоящего рядом с Павлом в стороне от других мужчин. В руках у друзей были бокалы, и они о чем-то оживленно говорили, но при появлении Сони и Лены оцепенели. Неизвестно, сколько бы они так простояли, если бы не Наташа, позвавшая их поздороваться с гостями и помочь донести коробку. Павел бросился к девушкам, расцеловал, осыпая Лену комплиментами и ни словом не обмолвившись с Соней. Он не поднимал на нее глаз. Андрей стоял в шаге от него и крутил в руке бокал. Он в упор смотрел на Соню, и та произнесла:

– Здравствуй Андрей.

– Здравствуй, Соня. Я очень рад тебя видеть. Вот стою и боюсь проронить слово.

– Раньше ты ничего не боялся. Что теперь? – Она пожала плечами, отошла от него и предложила перенести коробку к небольшому столику, стоящему у березы. Все опять зашумели, Ромка помчался к березе, затем вернулся и, схватив Соню за руку, потащил ее к столику. При этом он кричал: «Мамочка, идем с нами, папочка сейчас откроет коробку». Все дружно начали открывать коробку, и вот появился пожарный катер – красивый, белоснежный с красной кормой и водяными насосами.

– Ах! – выдохнул Ромка и захлопал в ладошки.

Катер водрузили на столик и стали его рассматривать. Наташа подошла к Соне и обняла ее:

– Угодила, как всегда, неотразима. Являешься и всех убиваешь наповал. Эффектный выход.

– Еще не убила, но мы над этим работаем, – пробормотала Лена, тихо подкравшись к ним. – Объект существует, необходимо только сосредоточиться.

Подружки захохотали.

Вся мужская половина гостей окружила стол, на котором стояли напитки, и что-то весело обсуждала. Здесь была и Наташа. Павел обнял ее за талию, и она вся светилась уютом и спокойствием. «Красавица жена и мать», – подумала Соня, любуясь ею.

– Софья Владимировна, – позвал Павел, – подойдите, пожалуйста, к нам.

Соня подняла брови, удивившись такому официальному обращению. В офисе – да, но сейчас, здесь? Софья Владимировна? Почему?

– Да, Павел Андреевич! – подойдя к веселой компании, Соня сделала строгое лицо. – Вы меня вызвали на работу в выходной?

Павел улыбнулся, понимая, что сам напросился на ехидную шутку.

– Даю честное слово, что этот день вам будет оплачен в соответствии действующим законодательством – в двойном размере.

Все весело засмеялись.

– Не спешите так необдуманно давать честное слово. Потом с вас может спроситься. Не боитесь?

Только произнесла это, Соня поняла, что она перегнула палку, и ее слова могут счесть за флирт с Павлом. Тот тоже не нашелся что ответить.

– Соня, вот сейчас Юра, – он указал на молодого мужчину приятной наружности, – рассказал нам интересную историю. Нужен твой совет.

– Почему мой? – насторожилась Соня.

Настроение у нее испортилось, и она, конечно, снова винила себя. Наташа стояла с застывшей улыбкой и молчала. Ей ничего не оставалось как пожать плечами, соглашаясь.

– У нас разные мнения, и хотелось узнать твое. Юра сейчас расскажет.

Павел смотрел на Соню с нежной улыбкой, а Лена, подняв удивленно брови, посмотрела сначала на Павла, а затем на Наташу и, не проронив ни слова, развернулась и пошла к детям.

Соня почувствовала беспокойство, но отказываться было поздно, поскольку все уже выжидающе смотрели на нее.

Юра в ответ приятно улыбнулся:

– У нас тут зашел разговор о подарках милым женщинам. Сам я люблю делать подарки, но, если честно, у меня не всегда это хорошо получается. Я решил спросить у своей девушки, что бы она хотела получить от меня в подарок в день своего рождения. И получил ответ – телевизор. Если честно, то я был шокирован. Конечно, можно купить и подарить телевизор, но меня посетила мысль, что меня просто используют. Было очень обидно и неприятно. Вот, в принципе, и вся история. А сейчас я ломаю голову, как мне поступить.

– Я тоже думаю, что ваша девушка вас использует. Но понимает ли она это? Тогда два варианта: либо она нахалка, либо дура. Но я думаю, что ваша девушка не дура.

Все засмеялись.

– Соня, ты очень строга, – улыбнулся Павел, продолжая обнимать за талию Наташу. – И что ему посоветуешь?

– Мне трудно судить, но если историю о своей девушке выставляют на всеобщее обозрение, то, думаю, что ее не любят. И правильно делают. Ох, Юра, простите меня. – Соня покраснела. Ей стало неловко, и она прижала руку к груди. – Я, кажется, увлеклась и рассуждаю несколько отстраненно. А это не тактично. Простите.

Соня обратилась к молодому человеку и почувствовала, что ее слова задели его и ему, как и ей, неловко. Он опустил голову и закусил нижнюю губу.

– Еще раз простите, Юра. Я могу только сказать, как бы я сама поступила в такой ситуации. Во-первых, задала бы себе вопрос, чего я хочу в итоге. Если хотите расстаться, то вам мой совет: отправьте, ей этот чертов телевизор нарочно и приложите к нему прощальное письмо. Но если вы не решили по какой-либо причине расстаться с этой девушкой, то подарите ей то, что считаете приличным дарить в такой день. В моей семье мужчины не дарят своим дамам предметы обихода. У нас это считается моветоном. А телевизор купите ей в любой другой день не как подарок, а как просто необходимую вещь, с надеждой, что она поймет бестактность своей просьбы. – Соня пожала плечами. – Советую больше не спрашивать свою девушку, что подарить, а то может поступить заказ на ванну, например, или стиральную машину. И вам будет неприятно, что вас в очередной раз используют.

Все весело рассмеялись и с нескрываемым восторгом смотрели на Соню. Все, кроме Наташи.

– Молодец, – тихо сказала та, – они устроили нам экзамен, и ты победила.

Она убрала со своей талии руку Павла и быстрым шагом направилась к дому.

– Я что-то сделала не так? – Соня стала опасаться, что невольно обидела подругу.

Она с недоумением взглянула на Павла, а тот, словно проснулся, бросился вслед за Наташей. Лена, которая находилась среди детей, подняла голову и, увидев расстроенную Наташу, пошла за ней. Но когда мимо нее почти бегом промчался Павел, остановилась и посмотрела на Соню. Но та только пожала плечами и направилась к детям.

– Сонечка, что это? – увидев подошедшую Соню, спросил Ромка, указывая на водяные пушки.

Подойдя к катеру, Соня стала показывать детям водяные пушки и рассказывать о них и о другом оборудовании, установленном на нем, накануне почерпнув свои знания из прилагаемой к нему инструкции. Дети притихли и внимательно ее слушали. За спиной у нее стоял Андрей, Соня чувствовала его присутствие, и ей очень захотелось исчезнуть. Закончив рассказ, она сделала шаг назад, услышала громкий стук своего сердца и почувствовала руку Андрея у себя на плече. Он нежно гладил ее, а ей казалось, что его рука давит на нее.

«О нет, я пас», – подумала Соня и, убрав его руку, направилась к дому.

Она видела, как из дома вышли Наташа и Павел, держась за руки. Наташа снова выглядела счастливой и самодостаточной. Трудно было подумать, что только несколько минут назад эта прекрасная и спокойная женщина была в состоянии, близком к истерике. Войдя в дом, Соня забилась в угол большого дивана, стоящего на террасе, и попыталась успокоиться. Ее бил озноб.

В дом вошел Павел:

– Соня, Андрей уезжает.

«Что он от меня хочет? Я что, должна броситься за ним?» – подумала Соня и ответила:

– Какой чудесный праздник, ребята, вы устроили ребенку.

– Это заслуга Наташи, а не моя.

– Увы. Это действительно так. У тебя замечательная жена, а у меня замечательная подруга. Слушай, Павел, а нам ведь с тобой повезло, – и Соня с трудом улыбнулась.

– У него есть шанс? – глухим голосом спросил Павел.

– Его не стало через минуту, как только я узнала о его изменах и поняла, что не смогу простить. Не измены, нет. Предательства, – Она взглянула на Павла. – Мне не нужна сегодня любовь, мне нужна дружба. Ну а, сам понимаешь, какая может быть дружба... с предателем.

– Жестко!

Соня пожала плечами.

– Пока так. И ты знал, что у него были другие женщины, и молчал. Смотрел мне в глаза и молчал. И в тот день моего рождения, когда Андрей при всем честном народе сказал, что для него существует только одна-единственная женщина – это я. А вы все поднимали бокалы и смотрели мне в глаза. Не стыдно?

– Стыдно. Соня, я уже столько раз каялся перед тобой. Извини. Андрей – мой друг. Я не мог предать его. И потом сказать в глаза тебе – а ты тоже мой друг – пусть даже правду, но когда знаешь, что она принесет боль и страдание, очень трудно.

– И ты со спокойной совестью предал меня. Из нас двоих ты выбрал его. Какой же ты после этого мне друг? Меня предать было проще, и ты выбрал его, а сейчас сказал, что я поступаю жестко.

– Совсем не со спокойной совестью. Поверь мне. И я твой друг, Соня. Он просил не говорить тебе, божился, что жить без тебя не может. Обещал прекратить, и все такое. Сказать тебе – это значило разрушить ваши отношения, но я не мог на это решиться. Ты была такой счастливой... Я хотел... Прости, что не смог решиться. Я все ждал, что он одумается.

Соня тяжело вздохнула:

– А он не одумался, и слава богу, а то бы вы потом мне говорили, что в молодости он мне изменял, а теперь уговорился. И я бы сокрушалась, что моя жизнь была прожита с бабником и предателем.

Павел вдруг засмеялся:

– Сонь, что меня в тебе восхищает, так это твоя ирония и юмор в самых непредсказуемых ситуациях.

Соня широко открыла свои зеленые глаза и с улыбкой произнесла:

– Я еще могу кого-то восхищать?

В этот момент она была такой красивой и соблазнительной, что у Павла засосало под ложечкой.

– Еще как можешь, – отвернувшись от нее, тихо проговорил Павел.

– Спасибо за добрые слова. Мне остается только посочувствовать тебе, бедненькому. Трудно, наверное, было выбирать между мной и им? – все еще улыбаясь, проговорила Соня. – А возможно, и нет, я права? Скорее всего, решилось все само собой – он мой друг, а она всего лишь женщина и подруга жены. Как у вас все просто. Ну, зато теперь все хорошо. Не нужно никому врать. И совсем не важно, что я порой себя чувствую очень грязной и не могу

отмыться, особенно во сне. Но сейчас уже реже, а первое время хотелось содрать кожу. Прости, что говорю тебе все это. С такой ситуацией каждый должен справиться сам. По-другому у меня не получается. Пойдем к Наташе и Ромке, сегодня ваш праздник.

Павел сгорал от стыда после слов Сони. Каждое из них попадало не в бровь, а в глаз, и ставило акценты в нужном месте. Скажи она их тогда, Павел не стал бы задумываться над ними. Сейчас они рассказали о своих действиях с точностью до тысячной доли.

Павел обнял Соню за плечи, и они спустились к детям. Увидев их, Наташа тут же отвернулась и стала что-то быстро говорить Валентине, жене того «придурка». Ромка схватил Соню за руку, и они стали гонять мяч, который ему сегодня подарил папочка. Клоун завладел мячом, но они у него его отобрали и побежали за дом, подальше от претендентов, но за ними устремились дети. Там и нашла их Наташа.

– Мамочка, ты так красиво одета и можешь испачкаться! – прокричал ей Ромка. – Мы будем играть с Соней.

Соня в тот миг подумала, что всю свою жизнь Ромка, даже уже став Романом Павловичем, будет воспринимать свою мамочку красивой и нарядной.

Пробежав целый час, они проголодались и вернулись на площадку, где готовили шашлыки. Наташа забрала Ромку и повела его переодевать, а Соня отправилась под душ.

Вечером, когда все гости разъехались и они сидели на террасе, закутавшись в пледы, Наташа встала и, прогнувшись как «рысь или крендель» (Соне на ум пришли слова из кинофильма), потянулась и предложила попить чаю с лимоном и пирогом.

– Какая красивая у тебя жена, – тихо сказала Соня с улыбкой.

– Я знаю. – Павел встал и, не глядя на нее, пошел в дом.

Глава 7

В аэропорт Соню отвез Володя. Он всю дорогу хихикал над ней, утверждая, что у нее лицо равнодушной и сонной злойки. Сама же Соня, отбиваясь от брата, заявила, что пора всех жаворонков усыпить и дать остальным нормальным людям спокойно наслаждаться уютом постели, и блаженно закрыла глаза. Через минуту Володя, услышав ее мерное дыхание, начал смеяться и локтем толкать сестру, приговаривая, что ей лучше поспать в самолете. Так периодически продолжалось до самого аэропорта.

Подойдя к стойке регистрации на Женеvu, Соня протянула свой паспорт, а Володя занялся ее чемоданом. Он увидел, как Соня, повернувшись к пассажирам, стоящим за ней, широко улыбнулась им, подняла руки и, пару раз тихо хлопнув, произнесла одними губами «Браво!». А те в ответ ей улыбнулись. Уже отойдя от стойки регистрации, Володя спросил сестру, что та изображала. Соня округлила глаза и хмыкнула:

– Ты, что не понял? За мной в очереди стояли Щедрин с Плисецкой.

– Может быть, Плисецкая с Щедриным? Не видел. Я был занят, между прочим, твоим багажом.

Соня покачала головой и засмеялась:

– Удивительно.

– Что удивительно?

– Удивительно красивый союз двух талантливых людей. Я тут подумала, что трудно выбрать, как их называть: Плисецкая со Щедриным или Щедрин с Плисецкой.

– Брат с сестрой или сестра с братом? Надо – брат с сестрой, – ухмыльнулся Володя и, чмокнув сестру в щеку, строго добавил: – Смотри мне. Не шали там.

– Буду, – Соня состроила упрямую рожицу и отправилась на паспортный контроль. Обернувшись, она увидела Володю, который грозил ей пальцем. «Конечно, сестра с братом. Кто в этом сомневается?» – весело подумала Соня.

И вот она в Лозанне, зарегистрировалась в «Гран отеле» и вошла в свой номер с окнами на парк. Надо будет погулять по парку, но позже. Сейчас нужно было распаковать вещи, чем Соня и занялась. В дверь постучали. На пороге стояла Люси. Соня познакомилась с ней в отеле при регистрации. Люси, невысокая брюнетка, француженка с остренькими чертами лица, как у лисички, живая и быстрая. Познакомились они за секунду.

– О, ты из России? Здорово, я хочу с тобой дружить, – затараторила она, как только Соня, протягивая свой паспорт, сообщила, что прибыла из Москвы на конференцию. – А то сейчас явятся эти янки и будут раздуваться и важничать. Фу! Надоели со своими наглыми и дебильскими шуточками. О, прости, я болтаю на французском, а нужно...

– Не нужно. Все хорошо, я владею французским, – перебила Соня, чтобы не выслушивать длинное извинение. – Радует, что мы будем с тобой болтать на французском. Это хорошая практика для меня.

– У тебя замечательный французский, – всплеснула руками Люси. – О, это будет здорово. Николя будет рад.

– Николя? Я надеюсь, что это не Саркози. Он случайно не поставил перед собой задачу, чтобы весь мир разговаривал на вашем языке?

Люси громко рассмеялась, снова всплеснула радостно руками:

– О нет, совсем нет. Николя – мой коллега, и мы представляем Францию. А Саркози, если бы и захотел, то сильно поторопился со своим рождением.

Вот так Соня познакомилась с Люси. Теперь та бегала по ее номеру, рассматривала из окна парк и в итоге сообщила, что их номера одинаковые, только она поселилась этажом ниже.

Потом стала перечислять свои предложения: позавтракать втроем за одним столом, разговаривать на французском в пику англичанам и всем присутствующим англоязычным, сегодня в девять вечера встретиться в баре, где она познакомит Соню с Николя. Соня согласилась с ее перечнем мероприятий, и та, радостная, упорхнула за дверь. Наступила долгожданная тишина.

Вчера вечером Соня, Наташа и Лена допоздна просидели в кафе. Их встреча была приурочена к поездке Сони в Швейцарию. Отбывала она всего на неделю, а получила кучу советов, которых хватило бы на несколько лет ее жизни.

– Ты берешь платье в пол? – строго спросила Лена. – Обязательно возьми и надень в первый же вечер знакомства, – тут же последовало приказание.

– Я думаю, что не следует в первый вечер надевать платье в пол, – подала голос Наташа. – Все обязательно вырядятся в такие платья, а ты надень свое чудесное черненькое платьице, оно тебе очень к лицу и к глазам. Ты в нем такая милая и беззащитная...

– И ты думаешь, что меня кто-то бросится защищать? От кого? – смеясь, перебила ее Соня.

– Ну, нет, – промурлыкала Лена. – Почему сразу «защищать»? Любому мужчине хочется выглядеть сильным в глазах слабой женщины.

– Но я не слабая женщина, и это вылезет наружу, как только я открою рот.

– А ты его не открывай, – тут же парировала Лена, – а побольше улыбайся. Тебе очень идет улыбка.

– Она мне к лицу, или она у меня на лице? – снова засмеялась Соня.

– Перестань, – обиделась Лена. – Я изо всех сил пытаюсь поднять тебе настроение.

– Ты в этом преуспела, – снова захихикала Соня.

– Соня, Лена права, и ты сама прекрасно знаешь, что твоя улыбка любого с ума сведет, – сказала Наташа и опустила глаза.

«Что-то тут не так, – подумала Соня. – Наталья в последнее время очень странно себя ведет. И усиленно пытается пристроить меня замуж. И еще ее идея отправить меня на эту чертову конференцию. Надо будет с ней поговорить». Соня решила отложить этот разговор до своего возвращения.

– Верю-верю, – Соня подняла обе руки вверх, давая понять, что сдается. – Одного уже свела с ума, и он дал деру налево.

Наташа посмотрела на Соню грустными глазами и тихо прокомментировала ее шутку:

– Ну, допустим, не он дал деру, а ты его прогнала, перед этим натерев ему пятки.

Чего-чего, но этого Соня не ожидала от подруги. Что-то явно было не так. Но что? Она сама открыла Соне глаза на измены Андрея, а теперь что? На попятную? Но почему? Этому явно должно быть какое-то объяснение, и Соня решила с этим разобраться, как только вернется в Москву.

– Девочки, девочки, вы отклонились от темы, – Лена пару раз хлопнула в ладоши, чтобы привлечь внимание подруг.

– Соня, я согласна с Наташей. Черное маленькое платье будет самое то. Возьми у бабушки ее изумруды, на черном они будут очень здорово смотреться, оттеняя цвет твоих глаз.

– Нет-нет. Не вздумай. – Наташа замахала руками на Лену, и та обиженно закусилась нижней губой. Она тоже заметила неадекватное поведение Наташи и поэтому не стала вступать с ней в спор.

– Никаких драгоценностей, – давала указания Наташа, – жемчуг в уши, и все. Простота – залог успеха. Поставь все на свою невинность.

– На что? – поперхнулась Соня коктейлем, а Лена весело рассмеялась. – Я уже забыла, что это такое. И потом, какая невинная тетка в тридцать лет? Уж, как ни крути, а в наше время это хуже насморка. Помните, что сказал Дарси на первом балу, когда наотрез отказался приглашать Элизабет? То-то же. «Теперь невинность скорее вызывает недоумение, чем восторг».

Лена смеялась до икоты, ей пришлось сделать тринадцать глотков воды на одном дыхании. Однако это получилось только с пятой попытки.

– Ты считаешь, что это лучше скрывать до свадьбы? Пусть будет неприятным сюрпризом в брачную ночь?

– Перестань, Лена, – сквозь смех и слезы с трудом проговорила Соня. – Воду больше заказывать не будем.

– Эй-эй, вы обе! Перестаньте ржать, – Наташа, как учительница, постучала указательным пальцем по краю стола. Затем посмотрела на Соню с укоризной: – Между прочим, – она сделала паузу и выразительно посмотрела на Соню, – в твоём возрасте три года не быть с мужчиной – это равносильно тому, что стать снова девственницей.

– Уж так прямо и девственницей? – обиделась Соня, а Лена, зажав рукой рот, умчалась в туалет, успев только прохрипеть, что воду пить не будет.

Услышать такое! И от кого? От скромницы Наташи? «Чур-чур, меня, – подумала Соня. – О ужас! Это она так думает обо мне? Оужас, еще раз. А ведь Наташа права. Она уже начала забывать, как это прекрасно, когда тебя обнимают, как сексуально, когда мужчина целует тебя в шею, плечи, как замечательно, когда по тебе скользят его руки, когда к тебе прикасаются».

Вернулась Лена с красным лицом и улыбкой до ушей. Она боялась снова засмеяться и поэтому сидела тихо, покусывая губы. Соня, жалобно взглянув на нее, только пожала плечами.

Минуты две все молчали, успокаиваясь, а затем Наташа с серьезным видом стала продолжать обсуждать Сонин гардероб:

– Если будет заключительная пьянка...

Соня снова поперхнулась, но быстро взяла себя в руки и промолчала. Похоже, Наталья пошла вразнос:

– ...надень свою пышную парчовую синюю юбку и белую блузку, ту, у которой застежка сзади. И свои туфельки а-ля Одри Хепберн, в них у тебя ноги обалденные.

Да, ее ноги в любых туфельках обалденные. Но ноги Наташи тоже хороши, и она просто красавица. Она так продуманно все говорит. Это никак не может быть экспромтом. Она что, это заранее все обдумала согласно расписанию конференции, а сейчас просто озвучила? Что бы это значило? Соня снова задала себе этот вопрос. Взглянув на Лену, Соня недоуменно подняла брови, а та в ответ только пожала плечами.

– Да, пожалуй, лучше без драгоценностей, – проямлила Лена и опустила голову, а затем добавила: – Скромность и невинность – это убойная сила.

Соня тут же схватила ее за руку и крепко сжала, призывая к спокойствию. Кто-кто, а она знала, на что способна Лена. В детстве они могли часами хохотать, болтая всякую веселую чепуху, цепляя одно выражение за другое, и в результате получался искрометный рассказ. Частенько к ним присоединялся Володя, и тогда, как говорила бабушка, «туши свет». В то же время она поощряла такую болтовню, утверждая, что та способствует развитию быстрого мышления и реакции, а также речевого аппарата. С последним у них и правда было все нормально, а вот с мышлением... Соня улыбнулась своим мыслям.

– Спасибо, девчонки! Я все поняла: буду скромной и невинной, но постараюсь второй раз, – она закатила глаза, – потерять свою девственность, – весело тряхнув головой, пообещала Соня.

Теперь подруги смеялись все вместе. Соня не могла вспомнить, когда они в последний раз говорили о таких глупостях. «А ведь забавно иногда так отвлечься от проблем и суеты жизни», – подумала Соня, открывая дверь подъезда своего дома. Это потом она поймет, что их разговор в кафе был не только забавным, но и значимым. За разбором гардероба Сони стояли проблемы жизни близкого ей человека.

При расставании Лена пообещала встретить подругу по ее возвращении из Женевы.

– Ты только позвони, – целуя на прощание, сказала она.

Глава 8

Проснулась Соня, когда за окном уже стало темнеть. Спросонья не сразу сообразила, где она. Ах да, в девять в баре. Взглянув на часы, она закрыла глаза. У нее еще было время поваляться в свое удовольствие. Легла на спину, подняла руки над головой и потянулась. О! Как хорошо. Здорово вот так лежать и ни о чем не думать, просто лежать и дышать – вдох-выдох, вдох-выдох... Блаженство! «Мысли лентяя», – улыбнулась Соня, поднимаясь с кровати.

В баре было пустынно, что неудивительно для такого времени года. Люси и худощавый симпатичный брюнет уже сидели у барной стойки.

– Софи, Софи, – махала ей руками Люси, – иди к нам!

Когда Соня подошла, брюнет вскочил и представился:

– Николя, а вы Софи, я уже знаю. Ждал прекрасную незнакомку, а появилась настоящая красавица, и я сражен наповал. Люси, – сказал он быстро, а затем, весело улыбаясь и повернувшись к своей спутнице, продолжил: – Я уже влюблен. Что ты со мной сделала? Надо же предупреждать, а так можно и к праотцам угодить.

Он обернулся к Соне:

– Что будете пить?

– Что-то такое, где есть ром.

– О! Какая замечательная Софи. Уважаю ваш...

– ...твой, лучше говорить «твой», – перебила его Соня.

– Хорошо, принято, – заулыбался Николя, – твой выбор, и я с удовольствием присоединюсь к тебе.

Он заказал два коктейля. А Люси уже тянула через соломинку жидкость бурого цвета. Соне понравился Николя с его веселой улыбкой и добрыми глазами. У него было подвижное лицо, на котором отражались все сиюминутные эмоции. Он помог Соне сесть на высокий табурет рядом с ним. В баре тихо звучал блюз.

Люси стала щебетать, что ей совсем не нравится скучная Лозанна. Да и Женева – это захолустье Европы с озерами, горами и вонючим фондю. Соня от души стала смеяться – уж очень складно, а главное, забавно охарактеризовала Швейцарию Люси. К ней присоединился Николя.

В разгар веселья в баре появились четверо молодых мужчин. Они разговаривали на английском и, похоже, только заселились в отель. Люси тут же перестала смеяться и сердито уставилась на них.

– Ну, вот и наши друзья, – ехидно прошипела она.

И тут же громко на французском стала рассказывать о Париже, о родных, душевных и вежливых французах, чем ввергла Соню в недоумение настолько, что та прыснула.

Англичане подошли к барной стойке и приветливо кивнули в их сторону. Троица продолжила разговор, и Соня обратила внимание, что один из пришедших говорит на английском с так называемым английским акцентом. Трое из мужчин заказали себе виски с содовой, а тот, с необычным английским, – темный ром. При этом он пошутил с барменом по поводу темного цвета. Соня повернулась на голос незнакомца и окунулась в синеvu его глаз. Он застенчиво улыбнулся ей и назвал бармену номер своей комнаты. Опустив глаза, Соня продолжила болтать с Люси.

Николя перешел на английский и поинтересовался у мужчин, не коллеги ли они. Когда выяснилось, что англичане – тоже участники экономической конференции, все стали весело знакомиться. Николя, назвавшись, представил девушек: Софи, Люси. Представлялись все только по имени. Самый компанейский из подошедших молодых мужчин, представившийся Джоном, назвал имена своих спутников: Колин, Гарри, Алекс.

Алексом звали стройного, но отнюдь не тощего синеглазого англичанина. У него были правильные черты лица, белая кожа, как у юной девушки, коротко стриженные темно-русые густые волосы и яркие губы. Он стоял, облокотившись о барную стойку, и вертел в руках бокал с ромом. На его лице была чуть заметная застенчивая улыбка, а глаза... Соня снова встретила с ним взглядом, и почему-то ей стало неловко.

«Бог мой, что со мной?» Она быстро опустила голову, у нее забилось сердце, и Соня вдруг почувствовала, что хочет ему нравиться. Это было такое внезапное и такое приятное, почти забытое чувство, что у нее перехватило дыхание.

Бар стал заполняться людьми. Была слышна испанская и итальянская речь. Соня и Люси заказали себе еще по коктейлю и сели за столик, освобождая места у барной стойки. Николя и новые знакомые стояли у их столика, образуя один круг общения, и весело обсуждали стюардесс «Сингапурских авиалиний». Соня поняла, что они прилетели из Сингапура. Если не все, то двое точно. Это были Джон и Алекс. Соня иногда бросала взгляд на Алекса, стоящего вполборота к ней. Он был одет в джинсы темно-синего цвета и черную футболку. Засунув руки в карманы джинсов, он что-то быстро с серьезным лицом говорил, а все слушали и смеялись. Затем он вынул правую руку из кармана, потер пальцами переносицу и широко улыбнулся. Улыбка сделала его лицо еще прекраснее. Все засмеялись громче, а у Сони закружилась голова. «Так теряют голову», – подумала она и сама не поверила, что ее могут посещать такие тривиальные мысли. Возможно, это от коктейлей, а возможно, от присутствия англичанина. Продолжая болтать с Люси о пустяках, Соня, поднимая глаза, видела только Алекса. Вот он повернул голову и взглянул на нее. Сейчас внимательно слушает Николя, затем что-то говорит ему и мельком снова взглянул на Соню. Она видела его четкий профиль, голова повернулась, и Соня почувствовала, что тонет в синем омуте его глаз.

Но тут зазвонил ее телефон:

– Привет, сестрица, я думаю, что ты еще не спишь.

Соня счастливо улыбнулась и по-французски ответила, что очень рада слышать голос брата, добралась нормально и хочет его обнять, что, как только она вернется, они вместе съезжают к родителям.

Было уже поздно, когда Соня с Люси поднялись и, помахав знакомым на прощание, вышли из бара.

Глава 9

Утром, когда Соня пришла на завтрак, почти все столы были заняты. Обведя взглядом ресторан, она увидела Николя и Люси, которая махала ей рукой, и направилась к их столику. В голове у Сони билась только одна мысль: «Где он, где?»

Николя спросил Соню о ее предпочтениях: кофе, чай, если сок, то какой? Раскрыв ему свои тайны, она пошла к стойке за фруктами.

Когда фрукты уже были на тарелке и Соня наливала в стакан сок, ей на английском с английским акцентом предложили помощь. На миг она замерла, а затем, медленно повернувшись и встретившись с взглядом Алекса, улыбнулась, кивнула и осторожно выдохнула. Она только сейчас поняла, насколько была зажата все утро. Он взял из Сониных рук тарелку с фруктами и вопросительно посмотрел на нее.

«Что еще? – подумала Соня. – Ах, да. Он ведь не знает, за каким столом я сижу».

– Доброе утро! – улыбнулась Соня. – Я сижу там, у окна, – и она кивнула в направлении стола, где расположились Люси и Николя.

– Доброе утро! Извините, я не поздоровался, – смутился Алекс.

– О нет, все в порядке, я ведь стояла к вам спиной, – теперь пришла очередь смутиться Соне.

Подойдя к столу, новый знакомый поздоровался с Люси и Николя, помог Соне сесть за стол и извинился за то, что не владеет французским языком, чем вверг всех в ступор. Затем кивнув Соне, пошел к столу, за которым сидели его коллеги. Те встретили его веселым смехом.

– Он не может быть англичанином или американцем, – вынесла вердикт Люси.

– Тогда кто он? – весело спросил Николя.

Соня только пожала плечами. Она вдруг почувствовала себя раздетой на виду у всех и боялась сделать лишний жест, чтобы никто не мог прочесть ее мысли. Хорошо, что она не краснеет, когда оказывается в неловкой ситуации. На ум пришли слова: «Врет и не краснеет». Она хихикнула и получила в ответ одобрительный взгляд Николя. Получилось все как нельзя лучше.

– Я не знаю. Кто угодно, но только не англичанин, – развела руками Люси. – Или он выродец из англичан, – наклонившись над столом, тихо сказала она. – И потом, он красив, а такими красивыми англичане не бывают. Уж я-то это знаю.

Николя засмеялся и предложил Люси не терять голову, а то, когда она вернется в Париж, Алан без головы ее не узнает.

– Узнает! Голова у женщины не самая главная часть тела, – засмеялась Люси.

Это было сказано с таким задором, что Николя переглянулся с Соней, и они рассмеялись.

Конференция проходила здесь же, в здании отеля. В просторном зале стояли большой круглый стол и стулья вокруг него. Все садились за стол согласно табличкам с именами. Соня нашла табличку с именем Sofi Potajnovskaaj и расположилась за столом. Через три человека слева от нее сел Алекс и, увидев Соню, застенчиво улыбнулся. Рядом, справа, сел Джон, и они, обменявшись улыбками и рукопожатием, стали просто болтать. Люси оказалась сидящей напротив Сони, но переговариваться они не могли – стол был слишком большим. Люси была грустной, и, поскольку сосед слева от Сони еще не занял своего места, она подняла его табличку и махнула ею. Люси вмиг поняла ее и, схватив свою табличку, примчалась к Соне, поменяв таблички местами. И отличное настроение вернулось к ней. Теперь они стали ждать, кто же сядет на место Люси. Судя по имени на табличке, это должен был быть испанец с королевским именем Карлос.

– Ух ты, – с придыханием проговорила Люси, – и он должен был сидеть рядом с тобой. Извини, Софи.

Соня подняла голову и увидела красавца испанца с горящими голубыми глазами, занявшего прежнее место Люси, как раз напротив ее места. Он с ослепительной улыбкой помахал ей. Соня в ответ ему улыбнулась и кивнула головой в знак приветствия. Затем, наклонившись к новой подруге, тихо проговорила по-французски:

– Если сидеть рядом, лица не видно, а так мы с тобой можем любоваться красивым мужчиной. Это уже немало...

– ...для хорошего аппетита, – быстро добавила Люси. И они тихонько захихикали, а когда подняли глаза, то увидели, что красавец-мужчина с нескрываемым любопытством плотоядно рассматривает их. Девушки помахали ему рукой, давая понять, что заметили его неоднозначные взгляды, а он, несколько не смущаясь, помахал им в ответ. Это заметил Джон и, наклонившись к Соне, тихо спросил:

– Вам нравятся брюнеты?

Что за вопрос? Безусловно, брюнеты, а не рыжие. Взмахнув своими ресницами, Соня улыбнулась. Но сказала совсем другое:

– Мне нравятся синие и голубые глаза.

– Увы. У меня нет ни того, ни другого.

– У вас есть что-то другое, не менее ценное – чувство юмора.

Он засмеялся.

– Вы классная.

– Спасибо.

Глава 10

По окончании первого дня работы конференции ее участников пригласили вечером на коктейль. «Все по расписанию, – подумала Соня, – как сказала Наташа». И она поежилась, ей почему-то стало не по себе. В последнее время она просто не понимала подругу. Все эти новые для нее выражения, дерганье...

– Ты зайдешь за мной по дороге? – спросила Люси, отвлекая Соню от ее грустных мыслей

– Если ты хочешь, конечно, зайду.

Люси обняла Соню и грустно улыбнулась.

– Ты в порядке? – наклонившись к ее уху, тихо спросила Соня.

– Я не могу дозвониться до Алана, – со слезами на глазах проговорила Люси.

Соня тут же стала утешать новую подругу.

– Люси, прошли только сутки. Он позвонит, обязательно позвонит. А через час я за тобой зайду. Живо иди одеваться. И не нужно плакать! Как ты будешь выглядеть вечером? – Соня улыбнулась, подтолкнув новую знакомую к выходу.

– Девочки, мы увидимся вечером? – это Джон весело улыбался им, предвкушая коктейльную вечеринку, но, увидев удивленный взгляд Сони, добавил: – Мне больше всех повезло, я сижу рядом с самыми красивыми коллегами.

Когда Соня и Люси вошли в зал, то Соня в душе поблагодарила Наташу: она единственная, не считая двух индианок в сари, была в коротком коктейльном платье, что выгодно отличало ее от других. Она взглядом искала Алекса и боковым зрением увидела, что он стоит с Джоном у окна и разговаривает с Николя. На нем был темно-синий костюм, который очень шел ему, белая рубашка с темным галстуком. Все это смотрелось на нем естественно и элегантно, как на человеке, который привык носить такую одежду. Люси потянула Соню к стоящему у окна Николя, но тут неизвестно откуда появился Карлос. Он наговорил им кучу комплиментов, а затем, взяв Соню за локоть, предложил познакомиться с другими участниками конференции. Поскольку она теперь стояла спиной к окнам, то не могла видеть Алекса и не посмела обернуться, чтобы взглянуть на него. Сердце громко стучало, губы пересохли, и Соня облизнула их. Но, когда за спиной услышала голос Николя, то обернулась к нему и бросила взгляд туда, где несколько минут назад стоял Алекс, но его уже там не оказалось.

– Николя, куда все подевались? – спросила Люси.

– Отправились на лужайку, там тоже весело, – улыбаясь, сообщил им Николя. – Я пришел, чтобы предложить вам тоже туда пойти.

– Ой, но там холодно, – поежилась Люси и вопросительно взглянула на Соню. – Ты пойдешь?

Соня кивнула. Она хотела увидеть Алекса, он, по-видимому, находился на роскошной лужайке перед зданием отеля со стороны Женевского озера.

– Можно согреться глинтвейном и горячим кофе с пирожным. Там тоже подают разные напитки, – стал уговаривать их Николя.

– Софи, это заманчиво, – захлопала в ладоши Люси. – Предлагаю одеться и вернуться на лужайку.

Тепло одевшись, Соня и Люси вышли на лужайку. Там уже вовсю шло веселье. Прямо на траве были установлены навесы из белой плотной ткани. Под навесами, на выложенной плиткой площадке, стояли белые столики с резными стульчиками. На другой площадке играли в шахматы. Девушки заняли один из свободных столиков и заказали глинтвейн. После нескольких глотков глинтвейна Соне стало тепло, и она сбросила с плеч пальто. Когда Люси с Николя пошли посмотреть на игру в шахматы, за столом она оказалась одна.

Шахматные фигуры метровой высоты нужно было передвигать по большой площадке, которая представляла собой шахматную доску. Игру затеяли Джон и Колин. А зрители разделились на две группы: одни болели за Джона, другие – за Колина. В результате образовалось две команды. Игра, в которой должны участвовать только два игрока, превратилась в коллективную и начинала походить на шахматный футбол. Во всяком случае, шума было не меньше, чем на стадионе во время футбольного матча. Соня, сидя за столом, наблюдала за игрой на расстоянии, а точнее за эмоциями на площадке. Это было забавно.

– Прошу извинить меня. Я могу сесть за ваш столик?

Обернувшись, она увидела Алекса. Он пристально смотрел на Соню, его синие глаза, казалось, заглядывали ей в самую душу. Соня почувствовала, что тонет в них, погружаясь все глубже и глубже.

«Боже, ну что со мной творится?» Она отвела взгляд в сторону и ответила:

– Да, пожалуйста.

– Спасибо. – Он улыбнулся и спросил: – А как вы относитесь к кофе вечером?

– Кофе вечером? Это замечательно. – Соня сделала невинное лицо, судорожно соображая, что ей еще сказать, но на ум ничего не приходило. И она задала дежурный вопрос:

– Вы играете в шахматы?

Алекс взглядом подозвал официанта. Когда тот подошел, Соня попросила принести ей капучино и стала ждать заказа Алекса. Ей было интересно, какой кофе он пьет.

– Двойной эспрессо. И, пожалуйста, теплое молоко.

Он повернул к ней голову и широко улыбнулся. «Ах, какая у него улыбка!» – пронеслось у Сони в голове, и она улыбнулась в ответ.

– Играю ли я в шахматы? – повторил Сонин вопрос и покачал головой. – Нет. Я не играю в шахматы, но правила игры мне известны.

– А во что вы играете? – Соня поняла, что промахнулась и с этим вопросом. Вечер у нее явно не клеился. Алекс мог подумать, что она глупа.

Алекс задумчиво и растерянно посмотрел на Соню.

– Удивительно. Я только сейчас понял, что ни во что не играю. Такое может быть?

У Сони расширились глаза, и она весело засмеялась. Действительно, как такое может быть? А она во что играет? Она услышала, как Алекс, подавляя смех, спросил:

– А вы во что играете?

– В теннис, иногда, но теперь редко. На рояле, но плохо. Меня учили играть на бильярде брат и его друг.

– На бильярде. Да-да, я играю на бильярде, – улыбнулся Алекс и обрадовался, как ребенок, что и он во что-то играет. – Я люблю стрелять в тире, но это не игра. – Он развел руками и добавил: – Спасибо, что подсказали, во что я играю. Да, я еще играю в шашки... вернее, играл в детстве.

В это время за соседний столик села коллега из Японии и бросила на них застенчивый взгляд. Она была одна. Алекс поприветствовал японку и, наклонившись к Соне, спросил разрешения пригласить ее за их столик. Получив согласие, Алекс направился к столику, за которым сидела девушка, и пригласил ее присоединиться к ним.

Алекс познакомил Соню с Момоко – так звали девушку из Японии. Она соседка Алекса за столом на конференции. Момоко – высокая стройная девушка, но назвать ее красавицей было нельзя. Вместе с тем, когда она улыбалась или смеялась, лицо у нее становилось лукавым и задорным. Некоторые слова на английском она произносила забавно и сама же этому смеялась. Смех у нее был звонкий, и все вокруг заражались ее веселостью.

Алекс стал расспрашивать Момоко о Японии. Задавал вопросы и с интересом слушал ответы. Он бывал в Японии в период цветения сакуры, путешествовал по стране, жил в Киото (старой столице Японии) в японском домике, который стоял в саду, спал на циновке, ел, сидя

за маленьким столиком, как принято у японцев. Рассказывал он это с такой любовью и восторгом, с радостной улыбкой на лице. Он удивительно много знал о Японии, об архитектуре, природе тех мест и с восторгом обсуждал с Момоко своеобразную японскую поэзию. К их столику вернулись Люси и Николя, а затем присоединились Джон и Карлос. Столики сдвинули, принесли коктейли и вино. Рассказчиком Алекс был отменным. Его можно было слушать часами. Под стать ему была и Момоко со своим забавным английским. Рассказ дополняли и комментировали веселыми шутками те, кто бывал в Японии. Вечер удался, как сказала бы Сониная бабушка. Было уже поздно, когда Люси позвонил Алан, и она ушла к себе в номер, чтобы ему перезвонить в тишине. Когда Соня стала прощаться, Алекс тоже поднялся, и они вместе вошли в отель, затем в лифт, но когда она вышла из лифта, он поехал на следующий этаж.

Глава 11

Оказавшись в своем номере, Алекс, не включая свет, вышел на балкон. Его и Джона номера выходили окнами, а вернее балконами, на озеро. Банк не поскупился, и теперь командированные могли наслаждаться прекрасным видом на Женевское озеро и его окрестности. Но Алекс с болью смотрел на эту красоту. Он вспомнил, как мама мечтала отметить папин юбилей в Лозанне, именно в этом отеле. Уже были заказаны номера с окнами на озеро, билеты на самолет. Все рухнуло в один миг. Он закрыл глаза и приказал себе не думать об этом. Через два дня он обнимет маму. При этой мысли Алекс улыбнулся. Он скучает по ней, по их дому, по своей комнате. Когда его пригласили работать в Сингапур, Алекс был счастлив. Это была давняя мечта. Он любил Азию, ему здесь было комфортно. Он ни секунды не сомневался, что мама полетит с ним, но она, погладив его по щеке и улыбнувшись, сказала, что этот путь ему нужно проделать одному, а она будет к нему прилетать в гости. Ему нужно будет только ее приглашать. Мама оказалась, как всегда, права, но они скучали друг без друга.

Вернувшись в комнату, Алекс сел в кресло, затем встал и стал вышагивать по комнате от стены до балкона и обратно. Потом снова сел. Эта француженка Софи не выходила у него из головы. С ним никогда такого еще не было, когда ноет сердце и внутри все сжимается... Нет, это не передать словами. Он не думал, что в своей новой жизни будет испытывать такое необыкновенное, такое удивительное новое чувство. Мама говорила: «Способность любить – это дар, и он может быть человеку дан или нет. Наверное, можно вполне счастливо прожить, не испытав силы любви. Но если испытываешь, тогда узнаешь, что такое счастье и горе». Может, это как раз и есть то самое. Вчера вечером в баре, после знакомства с Софи, он все время хотел ее видеть, а сегодня за завтраком прямоиком направился к ней. Как же ему хотелось прикоснуться к ней и там, за столом, и в лифте!

Проворочавшись всю ночь, Алекс заснул только под утро. Дверь балкона была открыта настежь, и в комнате было прохладно. Проснувшись и взглянув на часы, он понял, что завтрак проспал и времени хватит только на то, чтобы принять душ и спуститься на заседание.

Соня спустилась на завтрак пораньше. Она чувствовала какое-то беспокойство и в то же время легкость во всем теле. Одевалась она сегодня с особой тщательностью. Перемерив несколько пар брюк и блузок, она остановилась на закрытом платье шоколадного цвета, которое ей очень шло, и синих замшевых лодочках на высоком каблуке.

Войдя в ресторан, Соня невольно стала искать глазами Алекса, но его не было. Она уже взяла фрукты, но на этот раз никто не вызвался ей помочь. Уже был выпит кофе, но Алекс так и не появился. Соня старалась непринужденно болтать с Николя и Люси, но ее глаза постоянно посматривали на вход. Место за столиком, где расположились Джон и Колин, пустовало. Алекс так и не появился.

Все уже сидели за столом в аудитории. Не было только Алекса. Джон стал с беспокойством поглядывать на вход.

– Где ваш друг? – набравшись храбрости, спросила у него Соня.

– Да я и сам его искал. Он позвонил и сказал, что проспал.

– Вы вместе работаете?

– Да, в Сингапуре по контракту.

– А, по контракту, значит, это не постоянное место вашего жительства?

– Нет. Я из Лондона. Учился в Кембридже.

– А с Алексом вы давно знакомы?

– Почти два года, с тех пор как стали работать вместе в Сингапуре. Он классный. И он, и я в одно время были в Кембридже, и, представляешь, не встретились, – Джон улыбнулся и махнул рукой.

Соня скорее почувствовала, чем поняла, что появился Алекс. А слово «классный» или «классная» у Джона – высшая похвала, отметила она про себя.

Алекс, пожелав всем доброго утра, быстро сел на свое место. У Сони заколотилось сердце. Она боялась взглянуть в его сторону. Когда же решилась посмотреть на него, то увидела полный нежности взгляд Алекса. Она улыбнулась и опустила голову.

Конференция проходила живо и интересно. В обсуждении вопросов принимали участие практически все. Выступление Алекса было насыщено информацией, но он преподносил ее живо, с юмором. Алекс умел целиком захватить внимание аудитории. Соня смотрела на его улыбающиеся губы, на его руки. Она не могла оторвать от них глаз. Вот он поставил локти на стол и сплел пальцы. Рукава пиджака и манжеты голубой рубашки с запонками сдвинулись, обнажив тонкие запястья, покрытые светлыми волосками. У Сони перехватило дыхание. Она быстро опустила голову, пытаясь унять сердцебиение. Такого с ней еще не было. Почему она так реагирует на него? Соня всегда обращала внимание на руки мужчин. Красивые мужские руки были ее слабостью, чего не могла понять Лена и постоянно ей на это указывала.

Обедали большой компанией, сидя за круглым столом: Соня, Люси, Алекс, Джон и Момоко. Последняя явно благоволила к Алексу, и он отвечал ей тем же. Живя в Азии, Алекс понимал, как непросто ей в первый раз находиться в Европе, которая столь отличается от ее родины. Зашел разговор о том, кто как собирается провести этот вечер. Люси предложила поехать в Женеву. Они с Николя решили провести вечер там, и она взглянула на Соню, но та отрицательно покачала головой. Нет, она останется в Лозанне и пойдет в Кафедральный собор на концерт органной музыки. Сегодня там концерт, она узнавала.

– А можно мне с вами? – повернувшись к ней, тихо спросил Алекс.

– А мне? – наклонившись к Соне, еще тише спросила Момоко. Она явно боялась отстать от Алекса. А тот весело ей подмигнул.

Соня засмеялась и, всплеснув руками, сказала, что это просто замечательно. А после концерта можно будет погулять по Лозанне и поужинать здесь, внизу, в ресторане. И она указала пальцем вниз.

– Там отличное ризотто с грибами, – она произнесла с таинственностью, на которую никто не обратил внимания. Но один из обедающих внимательно слушал и запоминал каждое сказанное Соней слово.

– Здесь – это вниз на лифте на набережную? – уточнил Джон.

Соня утвердительно кивнула головой.

– Я надеюсь, что мясные блюда там тоже есть, – весело проговорил Алекс, а Джон, засмеявшись, продолжил: – И пиво.

Они договорились встретиться в холле отеля в шесть вечера, чтобы к началу концерта – в семь часов – быть на месте. Когда Соня спустилась в холл, все трое были уже там. Момоко заразительно смеялась над шуткой Джона, а Алекс улыбался, поглядывая на лифт. Встретившись взглядом с Соней, он заулыбался еще шире.

– Софи, Софи, мы здесь, – взмахнув рукой, прокричала Момоко. Соня махнула ей в ответ.

Решили идти пешком, время позволяло. Соня пообещала, что в назначенный час они будут на месте.

– Почему такая уверенность? – поинтересовался Джон.

– Я раньше уже бывала в Женеве и Лозанне и знаю, как добраться до собора, – успокоила всех Соня.

– И ели ризотто с грибами именно здесь, – добавил Алекс.

– Да, ела. И именно в этом ресторане. Это вкусно, – улыбаясь и глядя на Алекса, проговорила она. Он слышал ее. Соня ощутила всем своим существом присутствие Алекса. Это

было сродни чему-то сладкому и тягучему. Глаза ее защипало от подступивших слез, и она, несколько раз моргнув, стряхнула с ресниц соленые капли.

Чтобы отвлечь себя от навязчивой идеи поцеловать Алекса, Соня стала рассказывать, как она со своими спутниками поднималась в горы, какие чудесные там деревни, какой необыкновенной красоты ледники, до которых добираются на поездах, а зимой – на лыжах. Она сказала, что хотела бы побывать на других озерах, в районе Цюриха.

Подойдя к собору, она попросила ее подождать, но Алекс пошел с ней. Войдя в собор, они сразу же увидели столик, за которым сидел пожилой мужчина и продавал билеты. Он подтвердил, что концерт начнется ровно в семь часов. Купив билеты и выйдя из собора, Соня предложила в оставшееся время обойти его и осмотреть снаружи. Рядом с собором находилась небольшая площадь с ратушей. Когда они проходили мимо нее, на башне ратуши часы пробили семь раз. Надо было идти в собор, но тут на башне собора начался бой часов:

– Один, два, три, четыре, пять, шесть и семь, – под общий хохот считал Джон.

– Повторяем, швейцарское самое точное время в мире – семь часов, – с очень серьезным лицом, на котором не дрогнул ни один мускул, проговорил Алекс. Смеясь, все поспешили ко входу в собор.

Пришедших послушать орган оказалось не много. Алекс слышал в основном французскую и русскую речь. Если бы его спросили, является ли он поклонником органной музыки, он скорее сказал бы, что нет. Да и не часто ему доводилось ее слышать вживую, а не в записи. Алекс понимал, что он сейчас здесь не из-за любви к музыке, а потому, что здесь Софи. Он сидел рядом с ней, и у него бешено колотилось сердце. Он видел ее нежные руки, к которым хотелось прикоснуться, взмах ее ресниц. Слышал ее дыхание и неповторимый запах, от которого кружилась голова. С определенных пор у него было особое отношение к запахам. Некоторые из них ассоциировались у него с болью, страданием, мукой. За несколько дней до процедуры эти запахи появлялись в офисе, где работал Алекс, в кафе, в котором он завтракал, на улице, в машине. Они преследовали повсюду, не давали ему думать, жить. Иногда запахи ему снились в страшных снах. Сейчас запах, исходящий от Софи, дарил ему чувство покоя и счастья.

Часы покоя и счастья закончились. Музыка утихла, а чувство, которое она зародила, еще жило в душе. В это время не хотелось говорить, и они молча вышли из собора. Вечер был удивительно теплый для этого времени года.

– Хорошо! – тихо сказала Момоко и тем самым прервала их молчание.

Все заулыбались и оживились. Звуки города стали ярче, насыщеннее. Джон вспомнил, как мама в детстве водила его в собор слушать орган, а ему было скучно, и он не мог дождаться, когда это закончится. При этом он так убедительно изображал скуку, что все стали весело смеяться. Затем он заметил, что сегодня эта музыка его захватила, и предположил, что, по-видимому, это наступает старость, и все снова стали весело подтрунивать над ним. Потом все дружно решили, что с того времени он просто поумнел. Соня вела их по городу, выбирая красивые улочки. Так, весело болтая, они добрались до озера.

Глава 12

В ресторане их отеля, который расположился на набережной, было тепло, уютно и малолюдно. Они смогли выбрать приглянувшийся столик. Официант принес меню и спросил, желают ли гости чего-нибудь выпить. Алекс попросил принести воду, а затем вопросительно взглянул на Соню. Кивком головы она подтвердила, что тоже выпила бы воды. Джон и Момоко заказали пиво. Все углубились в меню и стали комментировать представленные там блюда. Соня нашла ризотто и радостно улыбнулась. Алекс заглянул в меню Сони, определяя страницу, которая была открыта у нее и, найдя такую же в своем, посмотрел на нее с нескрываемой нежностью.

– С грибами? – тихо спросил он.

– Угу. С грибами, – одними губами ответила Соня, не отрывая от него взгляда.

Джон и Алекс заказали стейк из мяса. При этом Алекс попросил, чтобы его стейк был прожарен, затем он уточнил, чтобы не было крови, и попросил горчицы. Когда он делал заказ, Джон закатил глаза, всем своим видом показывая, что это повторяется постоянно, а когда Алекс произнес слово «горчица», то смеялись уже оба. Сам же Джон заказал стейк с кровью, при этом подчеркнул, что так поступают настоящие мужчины, чем вызвал улыбку Алекса и Сони. Момоко тоже заказала стейк, присоединившись к предпочтению Джона в части его готовности, и тот пришел в неописуемый восторг. Официант подал пиво, воду и принес сливочное масло. Джон и Алекс переглянулись. Реакция при этом у них была абсолютно разная: Джон стал смеяться, а Алекс изобразил несчастное лицо.

– Это повторяется во всех странах, за исключением Лондона, – сквозь смех рассказывал Джон. – Он просит горчицу, а ему приносят масло.

Позвали официанта и после объяснений получили желаемую горчицу. Тут же Джон, как он сказал, по секрету, стал рассказывать, какой Алекс привередливый в еде, что горчицу даже возит из дома, утверждая, что там она вкуснее. И еще он любит огурцы консервированные, но не ест обычные – с грядки. Разговор оживился, Момоко стала рассказывать о своих пристрастиях, но когда она заявила, что терпеть не может рис, хохотали уже все.

– Вино? – повернувшись к Соне, спросил Алекс. Соня утвердительно кивнула.

– Красное? – Соня снова кивнула. Она купалась во внимании Алекса. Ей не хотелось говорить, она хотела смотреть на него.

Алексу принесли винную карту. Он быстро пробежал глазами названия вин и, закусив нижнюю губу, закрыл ее.

– Софи, я не буду изображать из себя знатока вин, но как вы относитесь к кьянти?

– Очень хорошо.

– Правда? – обрадовался Алекс.

– Нет, это я из вежливости, – произнесла Соня, лукаво улыбаясь.

«Боже, да я кокетничаю, – пронеслось в ее голове, – перестаю себя контролировать».

– И как нам быть? – оценив ее шутку, спросил Алекс.

– Пить кьянти.

Алекс сделал заказ. И тут зазвонил его телефон, он взглянул на определитель, и лицо его стало серьезным. Извинившись, он быстро вышел из ресторана. Соня видела, как Алекс, разговаривая по телефону, ходит взад и вперед. Разговор непростой, это Соня поняла по его лицу. Вот он поднял глаза и, увидев ее в окне, улыбнулся, и его лицо озарилось нежностью, но когда он вернулся к разговору, брови нахмурились и лицо стало суровым. Когда Алекс вернулся и сел за стол, Джон, взглянув на него, озабоченно спросил:

– Это из дома?

– Нет. Это Смит.

Джон только вздохнул и покачал головой. Они больше не возвращались к этой теме.

Пока готовили заказанные блюда, Алекс и Джон рассказывали про Сингапур. Соню привел в восторг рассказ Алекса о «Лонг-баре» в отеле «Раффлз». Он с улыбкой рассказывал, что этот бар, пожалуй, единственное место в Сингапуре, где официально можно мусорить.

– Было забавно смотреть на мою маму, как она застыла на пороге бара, не решаясь в него войти. Весь зал был замусорен шелухой от орешков арахиса. На всех столах стояли вазы с неочищенным арахисом, а посетители спокойно сидели, очищали орешки и шелуху скидывали прямо на пол. Сначала это у нас вызывало неприятие, но потом вошли во вкус и даже стали получать удовольствие от такой забавы.

Джон хохотал от души, а затем, наклонившись к Соне, поинтересовался, была ли она в Сингапуре. Соня отрицательно покачала головой.

– Мы с Алексом приглашаем тебя в гости и устроим показ всех достопримечательностей на высочайшем уровне.

Соня повернула голову в сторону Алекса, чтобы увидеть его лицо, но он уткнулся в меню. «Что бы это значило? Он не хочет меня приглашать или злится, что это сделал Джон, а не он? А может, и то и другое?»

– В «Лонг-баре» живая музыка, – оторвавшись от меню, проговорил Алекс тихо, как бы случайно вспомнив, – ну и, конечно, легендарный коктейль под названием «Сингапурский слинг», который более ста лет назад, как гласит легенда, специально приготовил местный бармен для молодого офицера, пожелавшего угостить понравившуюся ему девушку.

Соня вздохнула.

– Красиво.

– Пожалуй, – тихо отозвался Алекс.

Джон скривился и махнул рукой.

– Напиток для девчонок. Сладенький компот. В баре нужно пить пиво, на то он и бар, а все эти сказки – для романтиков, – хихикнул он.

Джон снова заказал пиво себе и Момоко, которая стала рассказывать, как японцы проводят выходные. Алекс слушал Момоко и смеялся. Он улыбнулся Соне и потер подбородок, не сводя с нее глаз. Алекс смотрел на нее так, что у нее внутри все таяло. Затем с улыбкой рассказал эпизод, свидетелем которого был сам в Токио, как группа молодых, судя по одежде, офисных работников после рабочей недели расслаблялась. При этом он с чуть заметной улыбкой, доброжелательно и с юмором нарисовал картинку, как они помогали друг другу подняться и как снова и снова падали на тротуар у ресторана, пока их не затолкали в такси. Соня уже давно так не смеялась. Рассказывая, Алекс бросал взгляды на Соню, а у нее слегка кружилась голова от звука его голоса, от движения его губ.

От десерта все отказались. Время было позднее, завтра предстоял обычный рабочий день – последний день конференции. Джон с Момоко направились к лифту, чтобы подняться к отелю, а Соня осталась ждать Алекса, пока тот рассчитается за ужин. Алекс предложил подняться к отелю пешком, и Соня согласилась. Они завернули за угол и стали подниматься в горку. Было уже совсем темно, и каждый раз, оступившись, она чувствовала боль во всем теле.

Войдя в отель, Алекс смущенно попросил разрешения проводить ее до номера. Соня кивнула. Спустился лифт, открылись створки дверей, и Алекс вежливо пропустил Соню вперед. В тесном пространстве лифта Соня видела его голую грудь там, где расстегнута пуговица на рубашке, чувствовала запах его туалетной воды. Вот и ее этаж. Подойдя к своему номеру, она вставила карточку, чтобы открыть дверь, и, обернувшись к Алексу, поцеловала его в губы нежным поцелуем, пожелала ему спокойной ночи и закрыла за собой дверь.

Это случилось так быстро, что Алекс все еще был ошарашен. Продолжая стоять у дверей ее номера, Алекс боролся с мыслями о своей полной несостоятельности, так как в глубине души всегда боялся, что пропустит ту самую единственную девушку, которая сможет принять

его со всеми странностями, со вспышками ярости, которые посещали его в минуты страха и неудач. Алексу необходимо было быть более уверенным в себе, однако ему никак не удавалось расстаться с подростковыми страхами. Он до сих пор совсем не понимал женщин, хоть и было их у него немало. Поднимаясь на свой этаж, он с горечью подумал, что обречен на неудачи в сексе и любви. Только сейчас, встретив Соню, он начал понимать, что все его предыдущие встречи с женщинами – это просто секс. Он получал и дарил им наслаждение, но сердце молчало. Еще никогда у него не было такого умопомрачительного желания обладать конкретной женщиной. Голову сносило, а сердце бешено колотилось. Соня перевернула его мир. И вот теперь, когда она сама его поцеловала, он стоял как истукан. Он хочет ее и в то же время боится, что она сочтет его попытки оскорблением. Это с виду Алекс белый и пушистый, но на самом деле, когда накатывала злость, он представлял, каким резким и неприятным может выглядеть со стороны. Алекс сделал глубокий вдох, чтобы прийти в себя, и открыл дверь в свой номер.

Глава 13

Проснувшись на следующее утро, Соня была совершенно сбита с толку. К ней медленно возвращалось воспоминание о вчерашнем вечере. Она стояла под душем и вспоминала вкус губ Алекса. Да, она поцеловала его, и что? Это только поцелуй на прощание. Все так делают, – уговаривала она себя. Так, но не совсем. В тот момент в его глазах она успела увидеть удивление. Теперь вспомнился его ответный поцелуй. Алекс словно спохватился, но успел ответить ей нежно и в то же время жадно. При воспоминании об этом у Сони пробежала дрожь по спине, и она прибавила горячей воды. Нужно просто забыть. Но она не могла. Она снова и снова прокручивала в голове сцену прощания. Соня поняла, что это не просто поцелуй, а нечто большее. Понимание к ней пришло не через голову, об этом ей сказала ее тело, которое вдруг спустя три года «вспомнило» о чувственности. Сейчас ей предстояло одеться и спуститься на завтрак – вниз, в ресторан, а там она увидит его... У нее закружилась голова.

Когда Соня вошла в ресторан, за их столом у окна сидел только один Николя. Люси еще не было. Соня села на свое обычное место и приветливо улыбнулась Николя. У того было отличное настроение, и Соня поняла, что вчерашняя поездка в Женеву удалась. За окном было солнечно. Очень хотелось туда, к озеру. Николя, быстро заговорив, стал рассказывать о вечерней поездке. Соне оставалось только кивать головой в подтверждение того, что она отлично понимает, о чем рассказывает Николя, поскольку не единожды была в Женеве и полностью разделяет с ним его восторг. Подошла Люси и, поприветствовав Николя и Соню, стала усаживаться за стол. В отличие от Николя, настроение у нее было отвратительное. Соня хихикнула про себя, отмечая, как по-разному может подействовать на людей осуществленная вместе прогулка. Затем она внимательно посмотрела на Люси, но не стала ни о чем спрашивать, переведя взгляд на Николя, а тот в ответ только пожал плечами. Соседний столик был все еще пуст. Соня осторожно поглядывала на входную дверь. Момоко уже давно сидела за своим столом и спокойно завтракала. Появился Колин, он был один. Солнечное утро из звонкого, весеннего и веселого ручейка для Сони превратилось в тягучую серую массу.

Соня встала из-за стола и пошла за фруктами и йогуртом. Когда она вернулась за стол, там уже стоял кофейник с кофе, горячее молоко, по стакану воды и апельсинового сока, а за соседним столом сидели Алекс и Джон. Они громко поприветствовали Соню и она, с трудом сдерживая свое дыхание и громкий стук сердца, улыбнулась им. Беря стакан с водой, Соня услышала тихий смех Николя:

– Соня, у тебя появился верный паж.

Отпив глоток воды, Соня подняла на него глаза, и Николя понял, что она удивлена.

– Ты его не просила?

– Кого? И о чем? – в ее глазах по-прежнему было неподдельное удивление. – Николя, Люси, о чем вы?

– Воду и сок принес Алекс.

Соня открыла рот, но так и не нашла, что сказать. Она повернулась в сторону стола, за которым сидел Алекс, и тихо произнесла, глядя на него: «Спасибо». Ответом ей была ослепительная улыбка.

За окном снова светило весеннее солнышко. Наливая кофе, Соня почувствовала, что у нее дрожат руки. Николя спокойно взял у нее кофейник и, пока наливал в ее чашку кофе, тихо сказал, взглянув весело на Соню, что может представить, каким забавным был у той вчерашний вечер. Забег в ресторан, похоже, был удачным. Это минута позволила Соне взять себя в руки и загадочно улыбнуться.

Конференция в этот последний день ее работы завершилась в три часа дня. Все могли быть свободны и проводить последние часы пребывания в этом тихом уголке Европы по сво-

ему усмотрению. Люси и Николя вечером возвращались в Париж. Пора было прощаться. Как только Люси собралась зарыдать, Соня тут же пообещала, что обязательно прилетит к ней в Париж, а та побывает у нее в Москве. Несколько часов на самолете – это в наше время не проблема. Соня, обнимая Люси, шептала ей слова утешения и сама верила в то, что обещала. А почему бы и нет? Что могло им помешать встретиться в Москве, Париже, Женеве или в любом другом уголке мира? Было бы только желание. Попрощавшись, девушки отправились укладывать свои вещи.

У Сони самолет завтра, ранним утром, и она решила погулять вдоль озера. Погода была ветреная. Тепло одевшись, Соня вышла из отеля и направилась к берегу. Она чувствовала себя одинокой и чужой на этом празднике жизни. На глаза навернулись слезы. Ужасно хотелось позвонить Наташе и рассказать, как ей сейчас плохо. «Ну нет», – решила Соня. Она не готова выслушивать слова сочувствия. Да и о каком сочувствии может идти речь? У нее все, как и было раньше. Повода для огорчений просто нет. Разве? Именно так, и никак иначе. Она ускорила шаг.

Остановившись на берегу озера, Соня скорее почувствовала, чем услышала подошедшего сзади человека. Ее сердце тревожно заколотилось.

– Рад, что встретил тебя, а точнее догнал. Быстро ходишь. Я могу к тебе присоединиться?

Соня повернулась на ставший за эти дни почти родным голос с легким, чуть заметным грациозным «р» в слове «рад». Эта особенность речи делала Алекса неповторимым. Сонино сердце забилося еще быстрее. Она почувствовала восторг от того, что увидела Алекса, такого красивого и ставшего уже родным для нее. На нем были темно-синие джинсы, черный тонкий свитер, распахнутая легкая черная куртка и небрежно повязанный шарф, словно он торопился и уже на бегу накинул его. Ветер теребил его волосы, и Соне захотелось запустить в них руку. Вот и ответ на ее «разве». Это именно то, чего она ждала, чего хотела, о чем думала.

– Да, конечно, – ответила Соня, улыбаясь про себя. – А твои друзья? Джон? – Соня вопросительно посмотрела на Алекса. Ей хотелось услышать, что друзья не пойдут на прогулку.

– Они пошли пить пиво.

– А ты пиво не пьешь? – Соня тут же пожалела, что задала этот дурацкий вопрос. Какое ей дело, пьет он пиво или нет?

– Нет, – резко ответил Алекс, и Соня увидела, как в его глазах появился металлический блеск.

– Хорошо, – произнесла Соня и отругала себя за этот занудный вопрос.

Что «хорошо»? Хорошо, что он не пьет пиво? И что плохого в пиве? Она улыбнулась Алексу, и они медленно пошли по набережной в направлении Шильонского замка. Присутствие Алекса, идущего рядом с ней, запах его туалетной воды, случайные прикосновения его руки к ее руке кружили Сонину голову.

– Как ты смотришь на то, чтобы пройтись пешком вдоль берега? – эти слова дались Соне с трудом, но, как ни странно, произнеся их, она успокоилась.

– С тобой? Я только «за», – тихо ответил Алекс.

Соня знала, что он сейчас улыбнулся. Она повернула голову и увидела его улыбку. Ему очень идет улыбка, отметила она и заглянула в синие глаза.

В городской черте набережная широкая. Они шли по ухоженному скверу с высокими деревьями и цветочными клумбами. Позади осталось скучное, из бетона и стекла, здание международного Олимпийского комитета. Оно выбивалось из ансамбля на набережной и портило общую картину. Родившаяся в семье потомственных архитекторов, Соня болезненно воспринимала любое несовершенство в зодчестве. Но сейчас ей не было дела до этого безобразия. Она ничего не видела, кроме Алекса, наслаждаясь его близостью и голосом.

Алекс рассказал, что несколько лет назад их семья собиралась в отеле, где они остановились, отметить юбилей его папы, но ничего не получилось. Сейчас Алекс живет здесь, а папы

больше нет, и он постоянно об этом думает. Соня внимательно посмотрела на Алекса и вдруг поняла, что не знает, что говорят в таких случаях, а слова, которые пришли в голову, показались такими ничтожными, что она просто промолчала.

Сквер тянулся вдоль дороги, сворачивающей влево, а по берегу озера пролежала утоптанная дорожка. Вот туда и направились Соня с Алексом. Теперь им пришлось идти почти вплотную друг к другу, соприкасаясь руками, а услышав тяжелое дыхание за своими спинами, останавливаться и пропускать бегущих в майках людей. Алекс при этом загораживал Соню от лихих спортсменов, прижимая ее к себе. Соня в этот момент мечтала, чтобы именно здесь и именно сейчас проходил всемирный забег.

Уже подходя к Веве, они спустились к самой воде озера, чтобы полюбоваться лебедями. Соня присела на камень и протянула птицам руку с печеньем, которое было куплено еще в аэропорту в Москве и лежало неоткрытым в ее сумке.

– Вот и едоки нашлись, – засмеялась она, когда лебедь выхватил печенье клювом. В этот момент она потеряла равновесие и почувствовала, как руки Алекса ложатся на ее плечи и крепко удерживают ее. Соня на миг замерла, но не подала виду и протянула угощение другому белокрылому. Но теперь их не три, а... Соня насчитала семь лебедей и увидела, как восьмой спешит в их компанию. Она услышала за спиной смех Алекса.

– Сейчас здесь соберется вся их колония. Соня, тебе придется остаться в Лозанне и взять их под опеку.

Соня засмеялась. Она не против, если только с ней останется он в качестве помощника. Алекс согласно кивнул и, держа ее за руку, увел от растущей на глазах стаи птиц. Дальше они пошли, взявшись за руки. Алекс нежно поглаживал большим пальцем ее ладонь, и Соня ощутила чувство тяжести в животе.

Виллы остались позади. Теперь слева тянулись рельсы железной дороги, а выше – террасы виноградников. Они не заметили, как добрались до Веве и остановились у статуи Чарли Чаплина, который, покинув Соединенные Штаты, долгое время жил здесь и скончался в этом уютном городке на берегу Женевского озера. Скульптор изобразил артиста таким, каким его знали и помнили поклонники: веселым и наивным маленьким человечком, с бамбуковой тросточкой, в больших башмаках и котелке, держащим в левой руке цветок. Соня, наклонив голову, тихо произнесла:

– Не сотвори себе кумира. Вот он. Да, замечательный актер, наверное, хороший человек, чего мы не знаем. И тем не менее начинаем сходить с ума, если нам что-то нравится или если все вокруг считают это необыкновенным. Так и с ним. После похорон тело его выкопали, а когда нашли, то родственникам пришлось похоронить его заново, но уже под двухметровой толщей бетона, чтобы предотвратить новые попытки вандализма. А вот теперь трут его локоть, – сказала Соня, глядя на отполированный от многочисленных прикосновений фрагмент скульптуры.

– Мы такие, какие есть. Тут уже ничего не поделаешь. Всем нужна удача, – сказал Алекс и, наклонившись, подул Соне в волосы, а затем взял за руку и повел ее за собой.

Покинув Веве, они снова пошли по дорожке, которая вилась между берегом озера и террасами виноградников. Соня оторвала взгляд от Алекса и со смехом сказала:

– А здесь был известный русский писатель Гоголь и даже работал над «Мертвыми душами». Ему стоит где-то здесь памятник, – Соня поймала удивленный взгляд Алекса, увидела, как у того приоткрылся рот, но он ничего не сказал.

Соня продолжила:

– Достоевский тоже здесь написал несколько глав своего «Идиота», – она остановилась, понимая, что, наверное, Алексу нет дела до русских писателей. – Но это тебе, наверное, неинтересно. Был ли здесь Диккенс? Прости, не знаю. А вот ваш поэт, лорд Байрон, был, и Жан-

Жак Руссо тоже. Правда, Руссо посетил эти места очень давно, когда здесь были одни рыбацкие деревни.

Алекс с улыбкой смотрел на Соню, хотел что-то сказать, но снова промолчал. А она, не замечая бесовских вспышек в его глазах, стала весело подшучивать над ним:

– Как неосмотрительно было вчера вечером пить виски и пиво, когда вокруг нас виноградники знаменитого сорта «Лавакс». На это способны только англичане. Без обид.

Алекс пожал плечами и засмеялся, как бы говоря: «Какие могут быть обиды?» Соня тоже засмеялась и прижала к груди левую руку, правую держал Алекс. От его близости, тепла его руки у нее кружилась голова.

– В тот вечер мы ели мясо, а вот для тебя нужно было заказать белое вино из этого винограда. Прости, не догадался, – тихо сказал Алекс, не отрывая своего взгляда от Сониных губ.

– Браво. Я посрамлена за свое высокомерие.

Дорожка расширилась и перешла в широкую набережную. День уступал место вечеру, и было приятно пройти среди магнолий, пальм, кипарисов, цветущего миндаля. Да, они гуляли в Монтре – одном из самых респектабельных курортов Швейцарии. В это время года набережная была малолюдной. Это придавало прогулке размеренность и умиротворение.

– Монтре для меня, – тихо проговорила Соня, – это Байрон, Набоков и, пожалуй, еще знаменитый во всем мире летний джазовый фестиваль...

– Меркьюри. Фредди Меркьюри, – добавил Алекс. – Группа Queen записала здесь альбом Jazz, а затем купила звукозаписывающую студию. Где-то здесь установлена статуя Фредди. Давай попробуем найти ее, – предложил Алекс.

Нашли они ее довольно быстро, как только ступили на рыночную площадь городка. Скульптор изобразил певца в его любимой позе: с широко расставленными ногами и поднятой вверх правой рукой, левая держалась за стоящий микрофон.

Вернувшись на набережную Монтре, Соня с Алексом увидели главную достопримечательность этих мест и всей Швейцарии – Шильонский замок. Время посещения замка заканчивалось. Оттуда выходили последние посетители. Соня и Алекс остановились на набережной, чтобы полюбоваться архитектурой замка.

– Шильонский замок считается одним из символов Швейцарии: ежегодно здесь бывает до трехсот тысяч туристов.

Соня остолбенела, а тихий и уверенный голос продолжал вещать за ее спиной.

– Замок, а точнее крепость, была построена еще IX – X веках для епископа Сьона. Правда, время постройки в настоящее время вызывает споры, и ни в одном заслуживающем доверия историческом источнике не указаны имена первых его владельцев, но мы не будем на это отвлекаться, и пойдем дальше. Еще со времен Высокого Средневековья эта вся область под названием Шабле, – Алекс обвел глазами местность вокруг них и очень серьезно, как профессиональный экскурсовод, без тени улыбки продолжал рассказывать, – была отдана аббату Сен-Морис д'Агон. Ты спросишь – кем? Ответ: узнаю конкретные данные и обязательно сообщу. Еще в XI веке Савойский дом устремил свой взгляд на этот религиозный центр. Губа не дура, и к середине XII века графам Савойским удалось достаточно прочно обосноваться в этом регионе. Так начался Савойский период. Завоевав большинство земель, графы положили начало своему владычеству, распространившемуся практически на две трети территории современной французской Швейцарии. Свой нынешний облик замок обрел в XIII веке при Петре II Савойском. В замке-крепости была устроена временная резиденция герцогов Савойских. Они еще те были мерзавцы. В крепости пылали костры, на которых сжигали женщин, обвиненных в колдовстве. Они вершили суд, и в подземелье сидели на цепях узники. Владения графов были так обширны, что те вынуждены были переезжать с места на место, чтобы контролировать свои земли. Во второй половине XIII века Савойское графство было разделено

на несколько судебных округов. Там, где мы с тобой стоим, он назывался Шабле. Замок до конца XIV века стал крупным административным и финансовым центром северных земель Савойского дома. Позднее управление централизовано осуществлялось из Шамбери. Короче, Савойские здесь куролесили, пока в 1536 году бернцы не завоевали этот регион и не взяли Шильон. Но Савойский дом еще долго правил в различных уголках Европы. Его представители были и князьями, и герцогами, и даже королями и королевами. А с 1861 года и до окончания Второй мировой войны – королями Италии. И все это достигалось, как правило, в результате политических интриг и удачных браков, а не военных успехов. Это, так сказать, историческая справка о геополитике в тот период. Теперь несколько слов о самом замке.

Соня стояла, застыв, словно статуя, и во все глаза смотрела на Алекса, а тот, лукаво улыбнувшись ей, продолжал говорить, как отличник, отвечающий заданный урок у школьной доски. Она опустила голову, чтобы Алекс не заметил ее замешательства и удивления. Рассказывал он так, что Соня вдруг поймала себя на том, что слушает его с большим интересом.

– Сегодня самым знаменитым помещением замка стала его тюрьма, поскольку с ней связана история сторонника церковной реформы Франсуа Бонивара, приора монастыря Святого Виктора в Женеве. Приор был непримиримым противником Савойской династии и провел в подземелье замка шесть лет. Правда, в некоторых других источниках указано, что четыре года. При посещении лордом Байроном замка ему рассказали эту историю, которая так глубоко взволновала поэта, что вызвала поток горьких слез и обморок, как вспоминал потом его приятель и спутник по путешествию. Там великий поэт и лорд нацарапал на одной из колонн в подземелье свой автограф, а затем написал поэму «Узник Шильонского замка». Что самое интересное, судьба приора Франсуа Бонивара оказалась весьма благосклонна к нему. От казни его освободили бернцы, захватившие замок, он прожил долгую жизнь – 77 лет, и это в те времена! Бонивар успел написать достоверную историю Женевы и даже жениться четыре раза. Но многое в замке и, в частности, подземелье достойно пристального внимания и без связи с этой легендой. Сейчас у нас не получится увидеть, но в следующий раз мы с тобой обязательно поищем у входа изображение распятия в окружении святых. Как указано в брошюре, этот рисунок выполнен углем в середине XV века рукой опытного рисовальщика. Рисунок украшает одну из внутренних перегородок, за которой находился карцер для приговоренных к смерти. До настоящего времени автор его неизвестен.

«Мы с тобой? Это он о ком? О нас? Какая самоуверенность!» Соня была ошарашена. Она не могла подумать, что ей будет приятно услышать такие слова. Это было сказано так, словно она его девушка и они уже давно пара. В это время Алекс вздохнул и, обратившись к ней, добавил:

– Прости, что ничего не рассказал об архитектуре замка, но в нем двадцать пять зданий, построенных в классическом романском и раннем готическом стилях, с такими залами, как гербовый, рыцарский и прочие, с великолепными каминами. Замок образует три внутренних двора. Мне пришлось бы еще говорить и говорить. Но я этого не видел, а только читал, а ты там была, все видела и лучше меня все знаешь. Так, что не мне было тебе все это рассказывать. Еще есть один интересный момент из средневековой жизни.

Соня увидела, что он с трудом сдерживается от смеха.

– Ты заметила, что в таких средневековых замках кровати детского размера? Это потому, что в те времена было принято спать полусидя, горизонтально лежали только мертвые. Тогда возникает вопрос, как они занимались... – фыркнув, он, улыбаясь, продолжил свою мысль: — ...увеличением Савойского дома? Выходит, старый дедовский способ отпадает.

Соню восхитило, как ловко Алекс вывернулся с последним вопросом, но в то же время она была удивлена его вольностью. Шокированная рассказом Алекса, который был сродни театральному представлению, Соня отступила от него на шаг и с вызовом спросила:

– Что это было?

Алекс засмеялся.

– Ты о чем? О размерах кроватей? Извини, но это исторический факт, а не мой вымысел. А вопрос возник вдруг, сам собой. Извини.

– Нет, – резко сказала Соня, испугавшись, что он может принять ее за ханжу. – Весь этот рассказ?

Алекса разобрал смех, такой заразительный, что Соня не смогла не улыбнуться. Отсмеявшись, он весело сказал:

– Мое показательное выступление.

– Зачем это тебе?

– Как зачем? Чтобы ты обратила на меня внимание. После твоего рассказа о соборе Нотр-Дам, о старинном деревянном органе, я подумал, что тоже должен что-то сделать за такой короткий срок, чтобы ты меня заметила. Можно пригласить на ужин, но это так избито. А мне надо было тебя удивить. Очень надо, Соня. А чем можно было удивить умную и красивую девушку? Вот я и решил... на берегу озера, среди Альп.

Увидев Сонино сердитое лицо, Алекс расстроился. Улыбка погасла, а глаза стали испуганными, как у обиженного мальчишки. То, что до этого было только смутным его ощущением, стало совершенно очевидным: под внешностью и манерами красивой умной Сони-девушки скрывалось нечто взрослое, что так пугало и волновало его.

– Было неинтересно? Глупо, да? Я готовился всю ночь. Ковырялся во всех источниках, которые успел найти. Я искал повод, чтобы пригласить тебя на прогулку в последний день. Мне повезло, и я встретил тебя на набережной.

– Конечно, интересно и совсем не глупо, но если бы ты меня не встретил или я бы отказалась от прогулки? Твои усилия были бы напрасными.

– Я эту неудачу не исключал. Но затем вспомнил, что полученные знания не могут быть напрасными, – отстраненно проговорил Алекс. Он приблизился к Соне и заглянул ей в глаза.

– Это кто сказал? – Соня спросила машинально и совсем не ожидала услышать такой ответ.

– Моя мама.

Она опешила, а Алекс, улыбнувшись своей ослепительной улыбкой, тихо прошептал:

– Я приглашаю тебя на ужин. Наверное, банально, но есть хочется.

Алекс увидел у Сони на лице тень сомнения. Но она упрямо вздернула подбородок и согласилась.

На ужин Алекс привел Соню в стильный ресторан La Brasserie в знаменитом отеле Montreux Palace. Он заказал мясо и был тут же удостоен ехидной Сониной улыбки. Она же предпочла рыбу с белым вином из винограда сорта «Лавакс». Алекс рассказал Соне, как ночью он копался в разных источниках, чтобы удивить ее. Соня долго смеялась, когда он предложил рассказать ей о функционировании транспорта и его устройстве на территории Швейцарии, или как из Монтре на поезде добраться в Цвайзиммен. Еще он предложил ей рассказать о сурках, одиннадцать видов которых из Европы, Азии и Америки уютно устроились в Роше-де-Не. Их можно покормить и погладить, а самое благоприятное время для этой процедуры – утреннее и послеобеденное. Соня с серьезным лицом заявила, что это большое достижение и Швейцария по праву может гордиться тем, что сурки в этих местах прижились. Затем, не выдержав и захлебываясь от смеха, с трудом проговорила, что не знала, что, кроме сыра, в Швейцарии есть сурки. Они долго смеялись, и оба чувствовали себя счастливыми.

Алекс смотрел на смеющуюся Соню и уже знал: он никогда не простит себе, если сегодня же ее не поцелует. Он старался себя не выдать. Отвечал на ее вопросы, слушал забавные истории и смотрел ей прямо в глаза, не отвлекаясь на яркие губы, белую шею и обтянутую свитером грудь. И делал он это не потому, что хотел показать хорошие манеры, а из страха, потому что достаточно было один раз вообразить ее обнаженной в своих объятиях, и он тут же позабыл

бы, о чем они говорят. Но удивительным было другое: он, взрослый мужчина, чувствовал себя так, словно никогда не занимался любовью и был невинным подростком.

- Это самая ценная информация, которую ты добыл ночью, – смеясь, похвалила его Соня.
- Я хотел тебя удивить.
- Тебе это удалось.

Через дорогу напротив отеля в небольшом саду – статуи его самых знаменитых постояльцев: Владимира Набокова, Рэя Чарльза... Выйдя из ресторана, Соня с Алексом зашли в сад, постояли минуту у статуи Набокова и направились к пристани, чтобы вернуться в Лозанну на пароходике, курсирующем по озеру.

Подойдя к пристани, Алекс сообщил, что Женевское озеро было первым в стране, где появились пароходы для туристов. А самый первый из них, названный в честь национального героя Швейцарии «Вильгельм Телль», был спущен на воду стараниями американского консула в Бордо в 1823 году. Соня, смеясь, зажала рукой его рот. Алекс не позволил ей убрать руку и, удерживая ее, поцеловал ладонь. Затем он притянул к себе Соню и нежно поцеловал в губы.

Соня прекрасна. Еще в ресторане Алекс почувствовал в ее лице нечто притягательное, что не давало ему отвести глаз. Ему нравилось, как Соня забавно морщила нос, когда смеялась. И то, как она широко улыбалась, и ее задорный неподражаемый смех. Сейчас, когда он поцеловал Соню в губы, их взгляды на секунду встретились, и Алекс увидел вопрос в ее глазах, ему почудилось, что в воздухе висит невысказанный ответ. Алекс отвернулся, чувствуя, как напрягаются мышцы живота.

День был долгий, насыщенный событиями, и Соня страшно устала. Но в течение всего дня она постоянно ощущала себя будто бы обманутой. Она была рядом с человеком, который волновал ее, с которым ей хотелось быть, но неизбежно наступит завтра, и все в одно мгновение рухнет. Завтра он вернется в свою жизнь, которая помчится вперед, как по накатанным рельсам: один день будет сменяться другим. А эта встреча уйдет в Сонино прошлое и, оставаясь там, будет с каждым днем все больше удаляться от нее. Так две судьбы, пересекшись однажды в одной точке, снова разойдутся в разные стороны, и, возможно, навсегда.

Поднявшись на лифте, они вышли на этаже, где находился номер Сони. Остановившись на пороге, она поднялась на цыпочки и поцеловала Алекса в щеку, поблагодарив за чудесный вечер. Слова благодарности она произнесла, опустив голову, чтобы спрятать от него глаза, которые помимо ее воли стали наполняться слезами, и когда, поборов этот позыв огромным усилием, Соня подняла их, то увидела расстроенное и печальное лицо Алекса, пытавшегося ей улыбнуться. Алекс понял, что ему явно не хватило храбрости завоевать ее, но и другом быть не хотел. Он кивнул ей головой и поспешно ушел.

«Вот и все», – с болью подумала Соня, закрывая дверь.

Она стояла под душем и плакала навзрыд горькими и злыми слезами. Почему она всегда жертва? Почему? Что в ней не так? Соня плакала так горько, что плечи сотрясались от рыданий, а кулаки колотили по кафелю. Ей было нестерпимо жаль себя, и тут же захотелось, чтобы все уже было позади и она смогла бы вернуться домой. «На что же я надеялась?» – пронеслось в ее голове.

Несмотря на усталость и подавленное состояние духа, Соня не могла уснуть. Она пыталась расслабиться и навести порядок в своей голове, но сделала еще хуже. Теперь она думала только об Алексе. Она потягивалась, ворочалась с боку на бок, глубоко дышала и полностью расслабляла тело, как ее учила бабушка, а потом представила, будто запирает мысли об Алексе в ящик и выбрасывает ключ далеко в море. И тут же вскочила, натянула на голое тело джинсы и футболку и, хлопнув дверью, побежала по лестнице на следующий этаж. Ей никто не встретился. Была глубокая ночь. Нормальные люди в это время уже спят.

Соня позвонила в дверь номера Алекса и прислушивалась. Тихо. Прижавшись лбом к двери, она нажала кнопку звонка, задержав палец на ней. Тихо. Соня обхватила голову руками, сделала шаг назад, собираясь уходить, а когда подняла глаза, увидела стоящего в дверях мокрого Алекса с полотенцем, обвязанным вокруг бедер. Он сделал шаг назад, приглашая войти. С подбородка у него капала вода, как будто он только что вылез из-под душа, не успев даже вытереться. «Вот почему он не слышал звонка», – промелькнула мысль в очумевшей Сониной голове, когда она вошла в номер. Алекс обнял ее за плечи и прижал к себе, чтобы закрыть дверь. С его лица на Соню капнула вода, губы заскользили по ее виску, волосам и спустились по щеке, чтобы найти ее губы.

Ночь была замечательной. Это было больше, чем просто секс. Соня понимала, что с ней случилось что-то необыкновенно чудесное. Такого она никогда раньше не испытывала. С Андреем она не была так счастлива в сексе. Алекс такой нежный и любящий... Любящий? Но это было именно так, она это чувствовала. Алекс ни в чем не сомневался, любил нежно, и Соня чувствовала связь между ними. Как только он заключил ее в свои объятия, все стало так естественно, словно она должна быть именно здесь, а не где-то в другом месте. И не было никакого промедления и сомнения, никаких пробных поцелуев или робких прикосновений. Одного поцелуя Алекса хватило, чтобы Соня поняла: это самое лучшее из всего, что могло с ней случиться. Это не был просто случайный секс на одну ночь, они занимались любовью, словно за плечами у них был не один день влюбленности и томления. И вот, наконец, они встретились после долгого пути сомнений и поиска друг друга. Именно поэтому им и было так хорошо: они понимали друг друга с полуслова, чувствовали друг друга, не стесняясь своих желаний и предугадывая желания другого.

Проснувшись Соня, когда за окном только стало светать. Она чувствовала себя счастливой. От Алекса пахло теплом сонного мужчины. Она совсем забыла, какой огромной властью обладает этот запах. Она откинула голову и стала рассматривать того, кто так нежно обладал ею, кого она желала и теперь должна покинуть. Его рука лежала у нее на животе, и Соня попыталась убрать ее, чтобы тихо выскользнуть с постели, но Алекс, словно почувствовав, крепко обнял ее и прижал к себе. Соня закрыла глаза... «Я хочу быть с ним, – крутилось у нее в голове, – я не хочу уходить...» Она осторожно высвободилась из его рук и легла на живот, повернув лицо к нему. Алекс спал. Дыхание было тихое и ровное. Приподнявшись на локтях, Соня рассматривала его темные брови на белокожем лице. Соня легонько подула на них, а он нахмурил лоб, а затем вздохнул и улыбнулся. Спит он так сладко, а Соне пора уходить. Она провела рукой по его мягким волосам и коснулась губами теплой щеки. От Алекса пахло мятой, теплом, уютом. Как ей не хочется уходить, но нельзя оставаться, она не успеет на самолет, а будить его сейчас, когда он так сладко спит, – преступление. Нет. Соня решила этого не делать. Может, написать записку? Она встала с кровати, нашла на письменном столе бумагу и ручку, но задумалась, что именно написать: свой телефон? Но зачем? Они из разных миров: он в Сингапуре, а затем вернется в Лондон, она в Москве. У каждого из них своя жизнь, и, возможно, у него есть девушка, а тут она со своим телефоном. Все произошло так быстро. Он ей очень нравится, но это вовсе не значит, что она ему нужна. Она не хочет ему навязываться. Ночь была чудесной... Соня подошла к кровати, чтобы еще раз взглянуть на Алекса. Сердце у нее громко стучало. Она наклонилась и нежно поцеловала его в щеку, а рука потянулась к его плечу. Соня замерла и решительно вышла из номера.

Глава 14

Проснувшись утром, еще не открыв глаза, Алекс понял, что он счастлив. «Софи-и-и!» – пронеслось у него в голове. Он чувствовал ее запах, который одурманивал его. Улыбнувшись, он протянул руку, чтобы прикоснуться к ее шелковой коже, но, нащупав пустое пространство, открыл глаза. Что Софи ушла, он понял сразу же. Ни один предмет не напоминал о том, что она здесь была. Только легкий запах ее духов. «А возможно, это мне только приснилось? – подумал Алекс. – О нет, конечно, нет». Он снова ощутил шелк ее кожи, нежные губы... Нет, конечно, нет. Это было наяву, но прекрасно, как во сне. Она сказала, что улетает утром. Эта мысль в секунду прогнала сон, и, моментально одевшись, Алекс спустился на этаж ниже и быстрым шагом направился к номеру Софи. Дверь была закрыта, а на его стук никто не отзывался. Она ушла! Улетела! Не сказав ни слова, не разбудив его, не оставив записки. Черт-черт! Просто выскользнула из его постели и ушла. Как он мог проспать? Кретин! Кретин еще и еще раз! Кретин! А Софи улетела, не попрощавшись с ним. Но почему? Эта мысль ударила его под дых.

У Алекса внутри все сжалось. Необычное сочетание сексуального опыта и неуверенность в долгосрочных отношениях лишь увеличивали его страх, что он оказался непривлекателен для Сони. У него был сексуальный опыт и с юными девушками, и с женщинами, которые состояли в браке. Пытался он упорядочить свою жизнь и завести семью. Они пытались жить вместе, но с бытом получалось плохо. Точнее, он у них совсем не получался. Разбросанные повсюду женские вещи раздражали его. Привыкший жить в доме, где царил порядок, где для каждой вещи было отведено место, от бардака в квартире он выходил из себя и закатывал истерики, а затем все чаще стал искать повод, чтобы после работы поехать к родителям и остаться у них. А поводов была уйма: отвезти маме в стирку рубашки и забрать чистые и глаженные, переодеть костюм, поскольку свои вещи он так и не перевез. Такие вопросы его девушку не волновали. Это был тот самый случай, когда говорят: их любовь разбилась о быт. А была ли вообще любовь? И было ли чему разбиться? Любил ли он ту, с которой встречался уже пять лет до того трудного времени, а потом, пройдя курс лечения, просил стать его женой? Он не услышал в ответ «нет», но, сославшись на подготовку и защиту диссертации, ему было предложено отложить свадьбу на время. В итоге диссертация так и не была написана, защита постоянно откладывалась, и Алекс понял, что его избранница и не собиралась защищаться, поскольку была лентяйкой. Она попросту заняла выжидательную позицию, постоянно врала, и ему стало по-настоящему страшно. Его снова нагло использовали. Он больше не ездил к себе в квартиру, а она, продолжая в ней жить, особенно не настаивала на его появлении. Потом была Испания, а затем он улетел работать в Сингапур.

Уверенность в том, что он обречен на неудачи в отношениях с женщинами, возникла у него после ухода от той, которая пыталась манипулировать им, ссорясь с его родителями и постоянно оценивая выгоду, которую может получить от брака с ним.

А теперь Соня. Она даже не потрудилась если не разбудить, то хотя бы оставить записку. А зачем? Ночь прошла, и... Алексу было больно. Короче, решил он, его снова отвергли, бросили после мимолетного романчика в командировке. Возможно, у нее есть любимый человек, с которым они прекрасно живут вместе, а то, что случилось здесь, – так, маленькое приключение. А почему и нет? А вдруг он проглядел записку?

Алекс бегом вернулся в свой номер и, перерыв его, понял: записки ему Соня не оставила. Затем он бросился к администратору отеля. Там ему подтвердили, что мадам Софи Патеновская сдала номер и отбыла в аэропорт. Он почувствовал, как сердце его упало и во рту стало сухо. Тут он увидел Джона, который входил в отель. Тот помахал ему рукой, приветствуя:

– Алекс, привет. Я только что посадил твою Софи в такси. Она классная, передала тебе привет. Что ты так на меня смотришь? – с беспокойством спросил Джон.

– Она что-нибудь мне передавала? – охрипшим голосом спросил Алекс.

– Ну, я же тебе сказал – привет.

– И все?

– Все. А должна была? – Джон засмеялся.

– По-видимому, нет. Спасибо, – Алекс направился к лифту, а затем обернулся и добавил: – Я пошел собирать вещи. Нам с тобой скоро в аэропорт, такси я заказал.

– Ты не будешь завтракать?

Алекс, отрицательно покачав головой, вошел в спустившийся лифт. Ему стало одиноко. Войдя в номер, он сел в кресло и закрыл лицо руками. Ему было сейчас очень больно, хотелось закричать, завывать от обиды. Почему, почему она так поступила с ним? Что он сделал не так? Чем он ее обидел? Как все замечательно было только несколько часов назад: Софи такая нежная, он обнимает ее, а она прижимается к нему и замирает, словно очень устала и теперь хочет отдохнуть у него на груди. А у него колотится сердце, и он зарывается лицом в ее волосы. За много лет впервые ему было по-настоящему хорошо.

Стоило Алексу закрыть глаза, как он видел ее длинные пальцы, касающиеся бокала с вином, слышал ее голос, чувствовал на себе взгляд ее зеленых глаз, прикосновение нежных губ. Складывая вещи в чемодан, он ощущал пустоту, вернее, одиночество вместе с огромным желанием найти ту единственную, которая может его заполнить. И вот она появилась. Он это почувствовал, как только увидел ее. А она?.. Нет-нет, так притворяться нельзя. Вдруг пропустил записку, знак или намек? Алекс еще раз окинул взглядом всю комнату – ничего. Найти номер ее телефона – не проблема. Но хочет ли она, чтобы он ей позвонил? Но хочет ли она, чтобы он был в ее жизни? Ведь она ушла, ничего не сказав ему, ушла так тихо, словно хотела скрыться от него, раствориться в утреннем воздухе. А он не успел ей сказать, что она ему нужна. И не успел спросить, нужен ли он ей. Как хорошо, что через несколько часов он сможет обнять маму. Еще через полчаса он был готов расшибить кулаками стену.

Когда Алекс спустился в холл, Джон уже ждал его, и они направились к такси, поджидающему их у входа в отель.

Глава 15

В самолете Соня села в кресло и закрыла глаза.

– Не хотите шампанского воды, сока, вина? – обратилась к ней на английском стюардесса.

Соня открыла глаза и вспомнила, что летит «Швейцарскими авиалиниями»:

– Спасибо, нет, – ответила она на французском.

Соня предпочитала летать «Аэрофлотом». Но в этот раз билеты покупал банк. Ее соседом оказался француз средних лет весьма приятной наружности по имени Луи. Они обменялись парой фраз на его родном языке и улыбнулись друг другу. Поняв, что Соня русская, Луи стал расспрашивать о погоде в Москве. Соня поинтересовалась, с какой целью он летит в Москву, и узнала, что по приглашению Московского университета (МГУ), а сам он преподаватель французской литературы в Сорбонне. Услышав об этом, Соня улыбнулась и рассказала, что ее отец неоднократно по приглашению университета читал там лекции по архитектуре. «Теперь я знаю, откуда у вас французский», – заметил Луи и посетовал, что сейчас, как правило, все изучают английский. Весь полет они проговорили о литературе, о взаимоотношениях мужчин и женщин, о музыке и договорились, что непременно встретятся в Москве, для чего при расставании обменялись визитками.

Когда после приземления в Москве Соня включила телефон, тут же раздался звонок от брата. «Почему Володя? Почему не Лена? Должна быть Лена», – мысли метались в голове у Сони, а сердце екнуло от страха, что дома что-то случилось – с бабушкой или родителями. Какое же это мерзкое чувство – страх!

– Да, – с испугом пробормотала Соня в телефон.

– Сонь, это я.

– Что случилось? Как дома? – голос ее дрожал.

– Дома все хорошо. Просто я тебя встречаю. Ты должна быть рада. Рада? – ровным голосом спросил Володя.

– Рада, конечно, рада. Я еще не получила чемодан. Жди, я скоро.

Володю Соня увидела сразу же, как только вошла в зал прилета. Он радостно помахал ей рукой и, когда она подошла, крепко обнял ее, а Соня, уткнувшись ему в плечо, вдруг заплакала.

– Эй, ты чего, Софья? Перестань, а то я сам сейчас зареву, – он взял сестру за плечи, отстранил от себя и заглянул в лицо. – Ну-ну, малышка. Поехали, а дома я тебя пожалею.

– Почему ты? – промямлила Соня. – А Лена где? Что с Леной?

– С твоей Леной все в порядке. Успокойся. Ты что такая дерганая? Тебя брат приехал встречать, ты должна радоваться.

– Вот я и радуюсь. Что случилось?

– Соскучился. Что? Так не может быть? Позвонил Лене и сказал, что встречу тебя сам. Вот и все.

– Соскучился? Врун. Неделью назад ты меня провожал.

– Уже неделя прошла? Не может быть, а мне казалось, что только вчера, – Володя остановился и внимательно посмотрел на сестру.

– Вот я и говорю, что ты врун.

Володя обнял сестру и помог сесть в машину.

Въехали в город. В машине было тепло и идеально чисто, как, впрочем, всегда. На чистоте Володя был помешан с раннего детства, и мама буквально боготворила своего сыночка. Они вспомнили одно дождливое лето, как еще детьми на даче в легкой обуви обходили лужи, чтобы не замочить ноги. Тогда бабушка бросила клич, и родители в выходной день привезли им резиновые сапожки. Сколько же было радости! И вот они вчетвером (Володя, Соня и две двоюрод-

ные сестры) в резиновых сапожках отправились гулять. А вечером три чучела: Соня с двоюродными сестрами – явились в сапогах, полных воды, – они мерили лужи. При этом братец Володенька был не только в сухих, но и чистых сапожках. Он, видите ли, руководил сестрами, указывая, какие лужи нужно исследовать. А теперь он вез Соню домой, потому что соскучился. И она с беспокойством заглядывала ему в глаза. «Неужели я становлюсь как мама?» – с испугом думала Соня.

Они припарковали машину на ее месте у дома. Из подъезда вышел Андрей Ильич, сосед с третьего этажа, со своим бульдогом Булькой на поводке и помахал Соне рукой:

– Рад вас видеть обожаемая Софья Владимировна.

– Добрый вечер, Андрей Ильич! Я тоже рада вас видеть.

– В каких краях были, Сонечка? – наклонив голову вперед, с улыбкой спросил он, придерживая Бульку, который на крепких мускулистых лапках рвался к Соне и громко сопел.

Вот Булька оказался на свободе и пошел к ней навстречу тяжелой и грузной походкой, короткими и быстрыми шагами на кончиках пальцев, «Как на цыпочках», – всегда умилялась Соня. Поскольку задние конечности не поднимались высоко, Соне казалось, что пес плывет, задними лапами гребя над поверхностью земли. Подойдя к ней, Булька широкой черной мочкой носа уперся в ее ногу. Она присела перед ним и, заглянув в его глубоко посаженные, широко расставленные, абсолютно круглые, почти черные глаза, тихо, как по секрету, шепнула в его маленькое высоко поставленное ушко: «Привет, мой мальчик!» И тот в ответ зашлепал своими мясистыми губами.

– Красавец мой! – Соня с нежностью погладила пса по нежной, короткой и густой шерсти спины, боясь оскорбить его английское благородство и сдержанность. Булька засопел еще громче, выставив вперед мощную грудь. «Какой же он красивый!» – подумала Соня, с восторгом глядя на своего любимца.

– Да тут, недалеко, в Лозанне на конференции.

– Приятно слышать, что Лозанна тут рядом, недалеко, – засмеялся Андрей Ильич, и они раскланялись.

Тем временем Володя достал из багажника Сонин чемодан и какие-то пакеты, которые протянул ей:

– На, держи.

– Что это? – спросила Соня растерянно.

– Держи-держи. Это еда. Сейчас мы есть и пить будем.

– Пить? Зачем пить? Тебе нельзя, ты за рулем.

– Приютишь меня на одну ночь?

У Сони засосало под ложечкой. Она взглянула на брата и поняла, что что-то все же случилось. Выглядел он, как и всегда, весьма презентабельно и элегантно, но глаза! На Соню смотрели растерянные глаза ее братика Володеньки. Лозанна, которая минуту назад была вот тут, рядом, вдруг отодвинулась за границу – в Швейцарию – и снова стала просто одним из городов Европы.

– Посмотрим. Пошли.

Пока готовили ужин, о чем они только не говорили и дружно смеялись своим шуткам. Наконец уселись за накрытый стол.

– Что ты будешь пить? Тебе открыть вино? – Володя кивнул на бутылку кьянти, стоящую на столе.

– А ты что будешь пить? – вместо ответа спросила Соня.

– Если у тебя есть виски или коньяк, то я бы...

– У меня есть и то и другое, – перебила она Володю.

– Тогда давай виски, – пробормотал тот.

Это было уже серьезно. Что-то все-таки случилось. Она поднялась и принесла виски и два стакана.

– Лед? Содовую?

Володя отрицательно покачал головой, налил в стакан немного виски и взглянул на нее. Соня кивнула, он налил и протянул ей стакан.

– Господи! Говорил бы уже. Володя, ну не тяни! – прикрикнула Соня на брата, беря стакан из его рук.

– Ух. Как я тебя заинтриговал, – с печальной улыбкой проговорил он. Затем помолчал секунд пять и выдал: – Татьяна беременна.

Соня опешила. Потом выдохнула, на секунду задумалась и завопила. «Дошло», – подумал Володя.

– Боже мой! Какое счастье. Володенька, это так чудесно, это такое счастье! – Соня бросилась на шею брату, расплескав виски на его рубашку. – Ты родителям сказал? А бабуле? Они знают?

Вопросы сыпались как из рога изобилия. Но это Сонины вопросы, а у Володи были свои. «Влип», – подумал он.

– Нет! Кроме тебя и нас с Татьяной, больше никто ничего не знает, – Володя опустил голову.

– А ну подними голову, чтобы я видела твои глаза, – зло проговорила Соня. – Это как понимать прикажешь?

Володя поднял голову и взглянул на нее своими голубыми глазами, в которых была такая тоска, что у Сони подкатил комок к горлу.

– Ну что ты? – ласково проговорила она, взяв брата за руку. – Расскажи мне все, и тебе станет легче.

– Я не знаю, люблю я ее или просто привык, все-таки мы вместе три года.

– Ты сравниваешь с ней? – с беспокойством спросила Соня.

Володя молча бросил быстрый взгляд на сестру. Сравнивает, конечно, сравнивает, Соня могла об этом и не спрашивать. Но сейчас уже поздно копаться в себе. Сейчас нужно рожать ребенка.

– И вы раздумываете, сохранять ребенка или нет? – с беспокойством спросила Соня.

– Она сказала, что в любом случае оставит ребенка.

– Что значит «в любом случае»? Ты сказал Тане, что не женишься? – У Сони от ужаса перехватило дыхание. – Как ты мог?

– Нет, конечно. Но я и не говорил, что женюсь. ♦ – Володя снова опустил голову, а когда поднял, в глазах у него стояли слезы. Потом вскочил и стал метаться по комнате. Остановившись, с отчаянием спросил сестру: – Соня, что мне делать?

«Мой любимый братец, такой умный, красивый, уверенный в себе мужчина и...» – подумала Соня и обняла его, прижавшись к сильному плечу.

– Я тебе завидую, Володя, и очень-очень рада твоему счастью. Татьяна такая молодец и любит тебя.

– Любит? С чего ты это взяла? – Володя отстранился от нее и удивленно пожал плечами.

– Она, что, тебе не говорила? – Сонины брови поползли вверх.

– Говорить говорила, но одно дело говорить, а другое... Я тоже говорю.

– Ты говоришь, что любишь, когда не знаешь, любишь или нет? Чудовище! Вот поэтому и не веришь, что тебя любят. Если сам постоянно врешь, то потом не веришь никому. А Татьяна любит по-настоящему. Она мне сказала и плакала, что ты ее не любишь. Она не верит тебе. Ты так заврался и истрепал это волшебное слово, что сам перестал себя понимать. Доигрался? Постоянно оставляешь ее одну, не берешь с собой к нам на дачу, словно стыдишься ее. Она сказала мне, что хотела уйти от тебя, но не может без тебя. Дурында ты все-таки, Володенька.

Ты сомневаешься еще и потому, что она не нравится маме. Мама чувствует в ней личность и понимает, что ей придется тебя отдать Татьяне. Для нее это очень тяжело, но нужно будет с этим смириться, – Соня развела руками. – Она, как все женщины, не хочет делиться.

– Ты хоть понимаешь, что мне сказала? Утешительница! Теперь я чувствую себя подопытной мышкой, которой на спину пришили ухо, – усмехнулся Володя. – Так им может прийти в голову расчленить меня.

Он вздохнул, сел за стол и стал есть. «Ну, слава богу! Если ест, значит, не смертельно», – подумала Соня и тоже принялась за еду. Иногда Володя поднимал глаза и пристально смотрел на нее, но ничего не спрашивал.

Было уже за полночь. В дедушкином кабинете, где все осталось, как при его жизни, Соня постелила Володе на тахте. Зашла в свою спальню, сняла покрывало с кровати, открыла окно и стала дышать прохладным весенним воздухом. Она вспомнила запах сегодняшнего утра. «Неужели это было сегодня? И было со мной?» – подумала она. Волна пробежала по спине, ее бросило в жар. Снова захотелось очутиться в Лозанне, в номере Алекса, в его объятиях, вдохнуть его запах.

– Соня, ты уже легла? – из комнаты донесся голос брата.

– Нет.

– Я могу войти?

– Да.

Володя вошел в комнату и приблизился к Соне.

– Соня, я хотел тебя спросить... – И он замолчал.

– Ну же, спрашивай, – повернувшись к брату, ласково сказала она.

– Ты меня извини, но это очень важно для меня... – Он опять замолчал, а затем, решившись, спросил: – Соня, если бы тогда с вами... не случилось, и Андрей не захотел бы ребенка... ты бы рожала? – Володя стал внимательно смотреть ей в глаза.

– «Если бы», «не захотел бы», а нельзя спросить просто, не прибегая к сослагательному наклонению? – Готовая заплакать, Соня отвернулась, чтобы спрятать глаза, и тихо, но твердо сказала: – Да, тысячу раз да, я бы рожала. Прости за это «бы», я, к сожалению, не могу без него обойтись. Володя, что тебя мучает? Ты любишь другую?

– Какую другую? – опешил брат.

– Ну, я не знаю. Может, у тебя есть еще кто-нибудь? Разве такого не бывает? Другая девица, кроме Татьяны?

– Да? – он сделал круглые глаза и тут же сообразил, что сказал не то, что хотел. – Нет-нет!

– Почему тебя так удивил мой вопрос? Мы оба знаем, что было время, когда ты встречался с двумя одновременно. – Соня внимательно посмотрела на брата. – Разве не так?

Володя поднял вверх обе руки, словно сдавался.

– Соня, во-первых, это было давно, во-вторых, я был молод и глуп. Во мне играла молодечья кровь.

– Ну, допустим не кровь, а то, что находится внизу. Ты считаешь, что это тебя оправдывает? – строго произнесла Соня. Она сейчас в лице брата казнила всех мужчин на свете.

– Ты не права. Мы с Таней вместе три года, и никаких других девиц у меня в это время не было и нет, – тихо и твердо, нахмурив брови, ответил Володя. – Я ей не изменял и не изменяю. Мне другой женщины не нужно.

Соня внимательно посмотрела на брата. Она верила ему. Он не был лжецом. Она это хорошо знала. И еще она поняла, что он просто испугался. Страх – сильное чувство, и его брату сейчас нужно пережить, а она должна ему в этом помочь. Он пришел за советом к ней, к своей сестре, и Соня понимала, что ей оказано величайшее доверие, и она будет стараться. И потом, Володе недостаточно сказать «да» или «нет».

– Тебе Татьяна неприятна? Что-то в ней тебе не нравится? Она не твой идеал? Она плоха в постели? У нее кривые ноги? Она тупая, кривая? Плоская? Лысая, наконец? Ну, что? Что не так? – Соня задавала все эти вопросы с таким жаром, что брат отступил от нее на шаг и вопросительно смотрел. А она выдохлась и замолчала.

– Соня, я тебя достал?

– Достал, и меня, и ее, и себя тоже. Ты не боишься, что когда сделаешь ей предложение, она тебе откажет? У-у? И твоего ребенка будет растить чужой мужик, а тебя будут пускать к нему только по выходным. Ну, как? Нравится? Люди женятся, разводятся. Пожалуйста. Общество не принуждает жить вместе, если вам не захочется, но у ваших детей должны быть оба родителя, даже если они живут в разных квартирах. А вы живете вместе, она тебя любит, и в ней растет твой ребенок. Он уже есть там, внутри Татьяны, малюсенький, твоя и ее часть. Ты хоть об этом задумывался. Ну? Это такое чудо!

– Тебе только ужастики писать. А главное, ты так убедительна, черт возьми. Я знал, что за советом нужно ехать только к тебе. И еще, Соня, я хочу, чтобы ты завтра...

– Сегодня.

– А? Да. Уже сегодня поехала со мной и Таней к нам на дачу, и я... Ну, в общем, поедешь? – сказав это, Володя выдохнул и обнял ее.

«Как же бабуля будет рада!» – подумала Соня.

Глава 16

Проснувшись, Соня взглянула на часы. Было десять утра, за окном шел дождь, и она поежилась. Хотелось спать. Соня закрыла глаза, но тут же распахнула их, вспомнив утро в Лозанне, вчерашний вечер и беспокойную ночь с братом. Сон пропал в одну секунду. Подскочив с кровати, Соня помчалась в соседнюю комнату. На тахте спал, подложив ладонь под щеку и тихо посапывая, Володя. «Мой братик, мое солнышко». Любовь к брату переполняла Сонино сердце. Потянувшись и сладко зевнув, она отправилась на кухню.

Соня включила чайник и, подойдя к окну, уперлась лбом в стекло и стала смотреть на стекающие по нему капли дождя. «Стекло плачет, погода плачет, грустно как-то. Каково сейчас Татьяне?» – подумала Соня и пошла ей звонить. Как ни странно, Татьяна была вполне в духе, они похихикали, Соня сообщила ей, что с Володей все нормально, он вчера встретил ее, они с ним выпили за встречу, и он сейчас спит. Потом позвонила бабушке и сообщила о своем благополучном возвращении.

– Родители еще не выходили, – сообщила бабушка и обещала сказать им, что Соня вернулась.

– Ждите меня и Володю на поздний обед. И еще, Володя будет с Татьяной. Маму предупреди, пожалуйста. – И, вздохнув, положила трубку.

Соня растолкала Володю и накормила его завтраком (следует отметить, что переживания не отразились на его аппетите). Собравшись, они на его машине поехали к нему домой за Татьяной. Когда раздался телефонный звонок, Соня ласково улыбнулась и на немой вопрос Володи тихо ответила:

– Это меня, Лена. Ленуль, привет, – радостно поприветствовала она подругу. – Встретил, встретил, все нормально. Наверное, соскучился, – Соня ласково посмотрела на Володю. – Да, ты права, он замечательный брат. Я помню, но день рождения завтра. Вы хотите в «Пушкин»? Нет, что ты, я всегда за «Пушкин». Нет, проблем никаких, но сейчас Володя меня везет к родителям на дачу. Теперь я полностью завишу от него. Во сколько? Хорошо, я попрошу, – Соня взглянула на Володю. – Передам, передам, обязательно. Ну, я ведь сказала – передам-м. Пока, целую.

– Что опять?

– Завтра день рождения моей одноклассницы, они собираются пообедать в «Пушкине».

– И во сколько намечается это мероприятие?

– В пять.

– Я тебя отвезу.

– Я не берусь это планировать, учитывая твои дела. – И Соня с укором взглянула на брата. – Я ставлю перед собой только реальные задачи. Нам бы просто дожить до завтрашнего дня. Я бы и этому была рада. А может быть, мне сейчас сбежать? – Соня изобразила задумчивое лицо.

– Э-э-э. Я тебя убью, любимая сестра.

Таня, в модных брюках и куртке, уже ждала их под козырьком у подъезда. Она была высокой, хрупкого телосложения, с длинными русыми волосами, собранными в хвост, и неизменной улыбкой на лице. «Вот это выдержка», – подумала Соня. Улыбнувшись в ответ, она открыла дверь и крикнула:

– Девушка, привет! Давай быстрее.

Таня перевела взгляд на свою сумку, но, увидев Володю, выходящего из машины, бросилась к нему, обняла и прижалась к его груди. По ее поведению Соня поняла, как той сейчас тяжело. Сев рядом с Соней на заднее сиденье, Таня обняла ее, и обе рассмеялись.

– Похоже, у вас все хорошо? – повернувшись к ним, с улыбкой спросил Володя и внимательно посмотрел на Таню. Она опустила голову, а Соня зло уставилась на него. Володя отвернулся и сидел молча, положив руки на руль. В машине было тихо.

– Ты выйдешь за меня замуж? – затаив дыхание спросил Володя, глядя перед собой в стекло. У Сони перехватило дыхание, словно это ее звали замуж. Пауза... Вот Таня подняла голову. Соня увидела ее напряженное лицо и полные слез глаза.

– Если ты меня любишь, то да, – по Таниному лицу покатались слезы.

Володя взглянул на нее в зеркало заднего вида, вдохнул с облегчением и завел мотор. Больше он ничего не сказал на эту тему.

Через час они были на месте. Дождя на даче не было, из-за туч даже выглядывало солнышко.

– Дождь прошел, солнце в целом свете, – пропела Соня и бросилась целовать бабушку, вышедшую их встречать.

– Софья, ты сегодня веселая. Не иначе как влюбилась? – засмеялась бабушка.

– У нас сегодня день такой. Мы сегодня все влюблены.

– Точнее можно? Кто это все? – на крыльцо вышла мама, а через минуту появился папа с приветливой улыбкой на лице.

– Добрый, добрый день, дорогие мои. Танюша, рад вас видеть. Вы давно к нам не заглядывали, что так? – весело спросил папа.

– Ругай, ругай ее папа, она это заслужила. И возьми с нее честное слово, что она полюбит это место, как его любим мы, и будет с радостью сюда наезжать, – прочирикала Соня и быстро скрылась в доме, чтобы не увидеть маминого лица.

Упав в кресло, она со страхом стала ждать продолжения.

– Софья, что это было? Давай, колись, – строго потребовала бабушка, войдя в комнату и сев напротив нее.

– Володя сделал предложение Татьяне, и она беременна. Вот! – выдохнула Соня.

Соня увидела, как смягчилось лицо бабушки: казалось, она вот-вот сейчас заплачет, но взяла себя в руки. Бабушка была у них кремень, как говорил Володя. Когда умер дедушка, она особенно и не плакала, просто на долгое время замолчала и перестала играть на рояле. И когда после перерыва она снова села за рояль, Соня поняла, что горе ее несколько отпустило и наступила фаза ноющей боли, которая никогда не уйдет.

– Нужно переставлять местами «предложение» и «беременна»?

– Я думаю, нет. Он ее любит, но только еще не понял.

– Он не понял, а ты все поняла. Молодец! Тебе не кажется, Софья, что ты самоуверенна? – голос бабушки стал строгим, однако на лице блуждала счастливая улыбка. Малыш в доме – это то, о чем она мечтала уже давно.

– Милая, дорогая Зиночка, у тебя есть шанс иметь правнука. Это такое счастье, а со своей любовью пусть разбирается сам. Я думаю, мама ему сейчас по-мо-жет, – с ужасом в голосе театрально произнесла Соня. – Нам с тобой остается только ждать развязки и наслаждаться представлением.

– А ребенок – это правда? – с тихой радостью спросила бабушка. Она это спросила так, словно боялась спугнуть счастье, которое должно войти в их дом.

– Правда-правда. И правда то, что мне сейчас очень хорошо, – прошептала Соня. – И ты выглядишь счастливой. Так ведь?

Бабушка поцеловала Соню в лоб.

Глава 17

В большой комнате с камином стали накрывать стол к обеду. Маме помогала Валечка, потом присоединилась Соня. Валечка жила у них на даче более тридцати лет и давно стала членом их семьи. Сейчас она с мужем Петром Степановичем, электриком по специальности и умельцем на все руки, и рыжим котом Василием живут на старой даче, а когда наступают холода, перебираются в новый дом, чтобы не топить печи каждый день.

Эту дачу в поселке художников и архитекторов в начале прошлого века построил прадедушка Сони и Володи. Старая дача – это и есть прадедушкин дом. Огромный, двухэтажный, деревянный, с теплым низом и летним верхом, с резным балконом и огромной террасой, застекленной небольшими прямоугольными стеклами, как раньше стеклили все террасы. В кухне настоящая печь, какие ставили в деревнях: с духовкой и лежанкой. Пироги, выпекаемые в такой печи, имеют особый вкус. Вот этот дом, где жила маленькая девочка Соня с братиком, мамочкой, папочкой, с бабулей и дедулей и Валечкой, которая заплетала по утрам ей косички, часто снится Соне. Во сне она ощущает неповторимые запахи, слышит скрип половиц, видит огромный оранжевый абажур над круглым столом в гостиной. В этой комнате по сей день стоит большой диван с двумя валиками и высокой спинкой, обитой кожей и полочками по бокам, на которых стоят синие фарфоровые вазочки. Кожу неоднократно перетягивали, но спинка с полочками оставалась неизменной. По другой стороне, перпендикулярной к той, по которой стоял красавец-диван, громоздился большой, ну очень большой буфет. Гостиная угловая, и по двум ее стенам были окна, а в углу, между ними, когда-то стояло раскладывающееся в односпальную кровать просторное кресло с высокой спинкой и боковыми выступами, чтобы можно было задремать, удобно положив голову. Это кресло, уже реставрированное и обитое темно-зеленой тканью, стоит в кабинете папы в новом доме, который построили родители. В простенке между двумя окнами располагалось старинное трюмо с двумя узкими и высокими вазами серо-зеленого цвета. Его уже нет, но Соне оно снится, и еще ей снится мама, которая, чтобы согреться, прижимается к теплой стене, покрытой белым кафелем. Соня знает, что в коридоре затоплена печь, обогревающая две комнаты, и кафель, к которому мама прижимается спиной, чтобы согреться, сейчас уже теплый. Идет сильный дождь. Соня знает, что окна в доме открыты и запах цветущих флоксов, который нельзя ни с чем спутать, повсюду. А они, дети, сидят на крылечке террасы, дверь которой выходит в большой тенистый сад, и рассказывают страшные истории. Им страшно, но им и хорошо. В большой комнате на втором этаже и по сей день стоит бильярдный стол. Соня помнит, как папа с братом гоняли шары. На каникулах играли Володя и его друг Сергей – сын соседей по даче. Маленькая Соня вставала на цыпочки, чтобы дотянуться до кия. А когда она подросла, ее учил играть Володя. У него не хватало терпения, и Соня за это время узнала о себе много такого, чего даже представить не могла. Но, вопреки высмеиванию брата, одолела эту премудрость и стала настоящим соперником и ему, и Сергею. Они снисходительно признали ее умение, и она присутствовала при их играх в качестве судьи.

Потом папа с мамой построили на участке большой дом, в котором у каждого члена семьи была своя комната: кабинет для папы, большая и светлая мастерская для творческих людей, как говорила мама, и их любимая терраса, на которой они все вместе собирались по вечерам в теплые летние вечера.

Соня любила сидеть рядом с папой. Для нее он был непререкаемым авторитетом. Умный, красивый, спокойный, всегда элегантный и уверенный в себе человек. Таким должен быть джентльмен, считала Соня. Сейчас, став взрослой женщиной, она поняла, что папа был всегда несколько отстраненным от семьи. Он позволял себя любить. Соня стала замечать, как бабушка отворачивается, чтобы не видеть, как он эгоистично пользуется маминой любовью.

Бабушка все видела и чувствовала, но почему-то маме не сочувствовала. Почему две женщины в доме не солидарны друг с другом? Соня начала жалеть маму, когда сама стала женщиной и узнала, насколько ранит предательство любимого мужчины. Но Соня не стала терпеть и решительно все разрушила. А мама продолжала безмолвно любить папу и терпеть его холодность и отстраненность. Соня иногда задумывалась: а может ли папа, кроме своей работы, любить кого-нибудь еще? Нет никакого сомнения, что он любит ее и Володю, своих родителей, друзей, жену. Почему о маме, как о жене папы, она вспомнила только после родителей и друзей? А любил ли он вообще когда-нибудь женщину как любовницу – единственную и неповторимую? Так, чтобы сносило голову? Если да, то это явно была не мама, а если и была – то это бесследно прошло еще до того, как Соня выросла и стала что-то в этом понимать... А мама всю свою невестребованную папой любовь отдавала сыну, который был копией любимого мужчины.

Подошла Таня и, тихо шепнув Соне на ухо, предложила свою помощь.

– Сейчас не нужно, – прошептала Соня в ответ, – потом, после обеда, мы с тобой помоем посуду. Хорошо?

Та радостно закивала в ответ.

Мама украшала стол и расставляла приборы. Она, как всегда, постаралась не ударить в грязь лицом, все было идеальным, и это очень смущало Соню. Сама мама была сплошное ожидание и предвкушение. Но чего? Это сбивало Соню с толку. Когда все сели за стол, то оказалось, что один прибор лишний. Стоял он рядом с прибором Сони. «Удивительные вещи творятся в нашем доме», – успела подумать Соня.

Володя засмеялся:

– Ну, сейчас обязательно кто-то явится.

Все переглянулись, а Валюша встала, чтобы убрать лишний прибор.

– Не нужно убирать, пусть стоит, – тихо и резко произнесла мама.

И все, как по команде, посмотрели на нее. Коту Василию явно не понравился мамин тон. Спрыгнув с дивана, он гордо покинул комнату.

– Уж, не для этого ли козла прибор? – с досадой выпалил Володя, уставившись в окно. Соня проследила за его взглядом и обомлела. Из подъехавшей машины вышел Андрей.

– Андрей? – с ужасом в голосе проговорила она.

Все вытянули шеи, заглядывая в окно.

– Сонь, это ты его пригласила? – тихо спросил Володя. Соня отрицательно покачала головой и закусила нижнюю губу. В глазах читалась охватившая ее паника.

– Это мой гость, – громко произнесла мама. – Могу я пригласить гостя в свой дом? – Затем, выдержав паузу и обернувшись к дочери, строго сказала: – Соня, я тебя прошу, встреть, пожалуйста, Андрея.

Соня была уверена, что эту речь мама заготовила заранее, зная, что дочь не посмеет ей отказать. Стараясь, чтобы ее не выдадала дрожь в голосе, дрожь, порожденная не волнением, а злостью, Соня выпалила:

– Нет! Как ты сказала, это твой гость, вот и встречай его сама. Я этого делать не буду.

Все молчали, а папа тоном, не допускающим возражения, обратился к Соне:

– Будешь. Ступай и делай то, что велит тебе мама.

Соня уже открыла рот, чтобы возразить, но тут же закрыла. Папа никогда так не разговаривал с ней. Она, как в замедленной съемке, увидела бабушку, наклонившуюся к уху Володи. Вот брат встал из-за стола, подошел к Соне, взял ее за руку, и они вышли на крыльцо.

– Вов, не сообщай до вечера родителям. А я его после обеда отправлю назад, – быстро проговорила Соня и улыбнулась Андрею, подходящему к крыльцу с огромным букетом алых роз.

– Привет! – он протянул руку Володе.

После рукопожатия Андрей посмотрел на Соню и снова сказал:

– Привет.

Слово, обращенное к ней, прозвучало нежно и напомнило Соне о тех счастливых днях, когда они были вместе. Она смутилась, а затем почувствовала жар на своих щеках. «Какая глупость», – успела она подумать и услышала слова, обращенные к ней:

– Можно мне тебя поцеловать?

– Целуй, – выдохнула Соня и подставила щеку. Андрей поцеловал ее в щеку и попытался свободной рукой обнять за талию, но Соня ускользнула и быстро вернулась в комнату, а роскошный букет так и остался в его руке. Андрей преподнес его бабушке. Принимая цветы, та приподняла брови, хитро улыбнулась и произнесла: «Я тронута, молодой человек», словно видела его в первый раз.

Обед прошел в мирной семейной обстановке, но в воздухе ощущалась некоторая нервозность – нехороший знак. Мама нервничала. Она суежилась, придирчиво проверяя, удобно ли Андрею, что ему положить на тарелку. Она хотела его порадовать, как в былые времена, и этим подчеркнуть, что ничего не изменилось. Володя ел, не поднимая головы от тарелки и не произнеся ни единого слова, словно отработывал пословицу «Когда я ем, я глух и нем».

Соне было стыдно, что она не может оправдать маминых надежд. Андрей приветливо улыбался, говорил маме милые комплименты. Он сидел рядом с Соней и изо всех сил старался ей угодить. Ей даже стало жалко его и маму: столько усилий – и все впустую. За столом были слышны только их голоса, иногда вступал в разговор папа. Бабушка ела и поглядывала то на Соню, то в окно. Удивительно, но Андрей Соню не раздражал, он был ей абсолютно безразличен. А ведь совсем недавно на даче у Наташи она с трудом смогла перенести его прикосновение. Вот оно, это прекрасное состояние, о котором Соня так долго мечтала: ура, это свершилось. Чудо? Да-да, и я, кажется, знаю, как зовут это чудо. Спасибо тебе, Алекс! Даже если мы с тобой больше не увидимся. Ты уже сделал благое дело, мое чудо.

Володя сидел напротив Андрея и Сони, и та видела, как он еле сдерживался, чтобы не перегнуться через стол и хорошенько не врезать гостю по физиономии. Руки у брата явно чесались, даже зудели, но от взгляда Сони, брошенного с предупреждением, порыв быстро прошел. «Поскорей бы уж покончить со всем этим!» – читалось у него на лице.

В конце обеда мама, обращаясь к Соне, произнесла ласковым голосом:

– Соня, пригласи Андрея на ужин или вечерний чай, как кому захочется.

У Володи округлились глаза, и он с мольбой взглянул на сестру.

– Он не может, ему нужно срочно вернуться в Москву, – быстро протараторила Соня и замолчала.

Ей стало стыдно за свою ложь. Но и терпеть присутствие Андрея в этот день уже не было сил.

Наклонившись и посмотрев ей в глаза, Андрей четко, чтобы все слышали, сказал, обращаясь к Сониной матери:

– Спасибо, Галина Васильевна, за приглашение. Был рад вас всех повидать и надеюсь, что мы и впредь останемся друзьями. А сейчас мне действительно срочно нужно вернуться в Москву. Извините.

Андрей встал из-за стола, поклонился и направился к выходу, а Соня, вскочив, взяла его под руку и вышла с ним в сад.

– Мое присутствие тебе неприятно. Мне не нужно было приезжать.

– Не нужно было...

– Ты так меня и не простила, – тихо сказал Андрей.

Соня не стала отвечать. Она считала, что их время прошло, и об этом уже не следует говорить.

– Соня, любимая, не проходит ни дня, чтобы я себя не проклинал. Если хочешь, убей меня. Но я люблю тебя и только тебя. Что мне сделать, чтобы ты простила меня?

– Не нужно ничего делать. Я тебя уже простила. Но с болью ушла и любовь. Извини меня, Андрей, но я больше не люблю тебя.

– Соня, мне плохо без тебя. Ты хоть слышишь меня? Я люблю тебя и любил всегда, – Андрей взял ее за руку и с мольбой заглянул в глаза.

– И тогда тоже? – с улыбкой тихо спросила Соня.

Она вдруг почувствовала, как снова накатила волна обиды и горечи. Ведь только сейчас она ничего не чувствовала к Андрею, и вот опять... Соня убрала руку за спину и отступила на шаг назад. Андрей вздохнул, развел руками и, не оглядываясь, направился к машине. Только сев в машину и опустив стекло, он посмотрел на Соню и, махнув рукой на прощание, уехал. На крыльце ее ждал Володя:

– Чего этот придурок орал? Уехал?

– Уехал. И он не придурок.

– Ну, допустим, это так. Ты в порядке?

– Нор-маль-но. Зови Таню, будем мыть посуду и накрывать чай.

– Зачем? Мы только из-за стола.

– Ну, пока мы помоем эту кучу посуды, а мыть ее мы будем не спеша, поговорим о том, о сем, и вечер настанет. А там нужно будет заварить чай в большом чайнике и сварить кофе...

– ...в большом кофейнике, – весело продолжил Володя.

– Ты же сам все понимаешь. У нас еще должен быть...

– ...большой пирог, и не один, – подмигнув Соне, радостно проговорил Володя.

– Ты откуда знаешь? Кто тебе сказал? – весело спросила Соня.

– Валюша сказала сейчас. Они уже с мамой пошли на старую дачу их выпекать.

– А какие пироги? – вся в предвкушении, допытывалась сестра.

– Сладкий и твой любимый, лимонный.

– Ах, Володенька, как хорошо жить! Сейчас на нашей даче тишь, гладь и божья благодать и, заметь, с роскошными пирогами. А затем – сюрприз! – она похлопала его по плечу. – Мужайся, брат. В нашем женском полку будет пополнение, следовательно, будет больше пирогов. Предупреди, пожалуйста, Танюшу, чтобы ее будущая жизнь не показалась ей особенно сладкой.

– То-то я смотрю, ты от плиты не отходишь. Ладно, идите и заступайте на вахту мытья посуды, женский полк, – ухмыльнувшись, Володя направился к старой даче, затем обернулся и предложил: – А может, в посудомоечную машину ее запихнуть? Так быстрее будет.

– Пойди маме предложи, а я на тебя погляжу и послушаю.

– О нет, любимая сестра. У меня много недостатков, но я не совсем идиот. Считаю, что это было моим советом. А тебе решать, следовать ему или проигнорировать.

Мамин любимый фарфор и хрусталь отмывали очень долго, что неудивительно. На помощь пришел Володя, и процесс вообще остановился. Прогнав его, они, наконец, закончили с посудой. Все блестело и сверкало.

Вечер был тихим и теплым. Закутавшись в пледы, Соня и Таня уселись на ступеньке крыльца, и Соня тихонько затянула песню, которую она любила петь в детстве с Леной, сидя на крыльце старой дачи:

«Вечер тихой песнею над рекой плывет, дальними зарницами светится завод, где-то поезд катится точками огня, где-то под рябинушкой парни ждут меня».

Татьяна наклонила голову к плечу Сони и запела вместе с ней чистым, звонким голосом:

– Ой, рябина кудрявая, белые цветы, ой, рябина, рябинушка, что взгрустнула ты.

У Тани оказался очень приятный голос, и пела она явно с удовольствием. «Неужели она знает эту песню, – подумала Соня, – и поет ее не фальшивя». У них получился отличный дуэт. Соне стало так хорошо, спокойно на душе. На крыльцо вышел Володя, протянул сестре бокал шампанского, а Тане – стакан с соком, а потом сел рядом с Таней и, обняв ее за плечи, вдруг

стал подпевать девушкам. Когда песня закончилась, Соня с Володей чокнулись за здоровье Татьяны.

– Эх, жаль, что у меня нет гармошки, а то бы я вам подыграл.

И в этот момент из комнаты донеслись звуки мелодии песни, исполняемой бабушкой на рояле. Соня с Таней захлопали в ладоши.

– Кто-то только сетует, а кто-то делает, – изрекла Соня, сооротив умильную рожицу.

Володя, соглашаясь, поднял руки вверх.

– Удивительное дело. Когда я прихожу в бюро, я чувствую себя личностью. Я осознаю, что от моей квалификации и знаний зависит работа всего бюро. Ко мне обращаются с вопросами коллеги по цеху, их интересует моя работа и мое мнение по разным проектам, я даю указания своим сотрудникам и слежу за их выполнением. Но как только я появляюсь на даче, моя самооценка падает ниже плинтуса. Не говоря уже о том, что я у бабули прохожу под вывеской «оболтус». И должен отметить, что это еще не самое уничижительное, а скорее это даже похвала, потому что сам я чувствую себя тупицей. Соня, почему? Может здесь атмосфера особенная?

– Наверное, потому что там ты берешь карандаш и начинаешь уверенно творить, а здесь ты сетуешь, что у тебя нет гармошки...

– ...а вам хочется петь, и вы поете, – перебил ее Володя.

– Именно.

– Сонь, – улыбаясь, спросил Володя, – и сколько таких песен о деревьях ты знаешь?

Это явно была шутка, но Соня проигнорировала этот момент и серьезно ответила:

– Много.

– Понятно, – Володя был озадачен настроением сестры. – А главное, очень убедительно. Интересно, а Интернет тоже дает такой ответ?

– Вот и спрашивай свой Интернет, – съязвила Соня.

Таня поняла, что Володя так просто не оставит сестру в покое. Соня сама подставилась и теперь получит сполна.

– Ну нет, – обиженно проговорил Володя. – Нашей дружной компании интернет сейчас не нужен. Он чопорный и скучный. Умники меня всегда раздражали. В нем нет души, и ему не понять, что моя душа требует живого общения, ласки и ехидства моей любимой сестры. Да он просто четвертый лишний на этом празднике жизни. Да, дорогая? – и он поцеловал Таню в голову, а та в ответ радостно кивнула, предвкушая интересный диалог.

– Танюш, ракита – куст или дерево?

Таня не успела открыть рот, как Соня бросилась в бой:

– Если бы ты пел в школьном хоре, то знал бы детскую песенку «Наш край».

– А почему ты решила, что я ее не знаю? Я ее прекрасно знаю, потому что одним летом ты постоянно ее горланила и доводила меня до бешенства, но я был образцовым братом и терпел такое издевательство. Даже когда я засыпал, она у меня в ушах звучала.

Соня закатила глаза и выразительно фыркнула.

– Вот видишь? Она принесла тебе пользу, став в то лето твоей колыбельной песенкой. Однако текст так и не запомнил, а если бы знал его, то не стал бы задавать дурацкие вопросы.

– Угу, – выразительно протянул Володя, – и колыбельной, и утренней, обеденной...

Соня почувствовала, как напряглась Таня, но та продолжала молчать. По-видимому, Таня хотела что-то сказать, но не решалась. Она боялась занять чью-либо сторону. По крайней мере, Соне так показалось, и она решила сама подтолкнуть ее к разговору.

– Возможно, я не права?

Таня улыбнулась Соне, разгадав ее маневр.

– Ты права. Ракитник – куст, но есть и деревья. Они многочисленные и могут достигать нескольких метров, а крона у них такая большая, зеленая. Со стороны они очень напоминают

капусту брокколи. А по своей сути это просто разновидность ивы. Если познакомиться с русским фольклором, то окажется, что на Руси много песен о березах, вербах, ивах и, конечно, о рябине. То, что Соня пела, это «Уральская рябинушка».

Володя посмотрел на Таню, как смотрят на не в меру резвящуюся собачку, – с некоторым изумлением и легкой тревогой.

– Уральская, говоришь? Теперь понятно, почему там и про завод, и про поезда. Но объясни мне, пожалуйста, почему ты решила, что дерево ракита похоже на капусту брокколи?

Таня пожала плечами.

– Потому, что видела и то и другое, а потом сравнила.

– Ну, допустим, что брокколи ты видела в магазине, а ракиту?

– И то и другое я видела, когда бывала в деревне в Тульской области. Там бабушке и ее брату по наследству достался дом с садом. Бабушка бывает там наездами и иногда предлагает мне прогуляться с ней, а вот бабушкин брат там летом живет постоянно и на своем огороде выращивает всякий овощ, и в том числе капусту разных видов. Такое у него хобби.

– А он случайно не бывший римский император Диоклетиан?

– Внук раба, родившийся в том месте, где сейчас Черногория? Если только случайно, но нет. Он родился в Тульской области, и по профессии он врач, а не император.

Соня была в восторге от спича Татьяны. Она чмокнула ее в щеку. Володя наклонил голову и внимательно посмотрел на свою невесту.

– Значит, ты в курсе, что помидоры растут не в магазине, – засмеялся он, снова целуя Таню в голову.

– О помидорах я знаю не много, – нисколько не обидевшись, продолжала Таня. – Но уверяю тебя, что к иве следует относиться серьезно. Еще до открытия аспирина в XVIII веке был открыт так называемый салицин на основе отвара ивовой коры, который обладал мощным жаропонижающим действием. Он был дорогим лекарством, и бедные люди не могли им пользоваться, к тому же препарат имел сильный побочный эффект – разрушал желудочно-кишечный тракт больного.

Соня даже открыла рот, слушая Таню, а Володя смотрел на нее с обожанием, нисколько не удивляясь ее познаниям.

– А что сейчас? – с интересом спросила Соня.

– Сейчас и уже более ста лет правит бал аспирин. Это величайшее открытие в мире фармакологии. Впервые ацетилсалициловую кислоту синтезировал французский ученый Шарль Жерар в середине XIX века, и основой ему послужила все та же кора ивы.

– Хорошее растение – ивушка родная, – Соня улыбнулась с превосходством, словно это она открыла полезное свойство ивы.

– Немецкие ученые тоже работали над этой проблемой. Нужно было создать форму, чтобы стало возможным применять эту кислоту как лекарство, затем клинические испытания, и, наконец, в 1899 году аспирин стал официальной торговой маркой немецкой компании «Байер». Вот и по сей день мы принимаем аспирин для жаропонижающего эффекта, затем оказалось, что его следует принимать и как болеутоляющее и противовоспалительное средство, а после Второй Мировой войны – как средство, снижающее риск кардиологических заболеваний.

– Умница. Я бы тебе поставил «отлично» на экзамене. Мама как кардиолог порадовалась бы твоим познаниям.

Таня зарделась. Соня поняла, как для той важна похвала Володи. Она любовалась братом, а тот, обняв свою невесту, снова поцеловал ее в голову.

– Я на эту очень интересную тему писала реферат, – засмеялась Таня.

Она впервые в присутствии Сони так много говорила. Соня, наклонив голову к Тане, с восхищением смотрела на, как ей раньше казалось, молчаливую девушку брата. В их семье любили разговаривать, и подчас Соне не хватало общения с ними. Когда Володя сказал, что

Таня беременна, – а это автоматом для Сони означало, что та будет членом их семьи, – Соня тут же подумала, как той трудно будет в их разговорчивой и эмоциональной семье. Но оказалось, что и Таню можно легко разговорить – была бы тема интересная. Чего-чего, а тем у них множество. «Вот у Алекса такой проблемы точно не возникло бы», – вдруг подумала Соня.

– Какая завидная судьба у этого простого аспирина, – засмеялась она и, наткнувшись на удивленный взгляд брата, приложила указательный палец к губам.

Таня покачала головой.

– Судьба у него ох какая непростая. Мы, люди, удивительные создания природы, как и весь окружающий нас мир. Человеку природа подарила исключительный, уникальный орган – мозг. Окружила его всем необходимым для жизни и развития. Наш мозг способен найти решения для создания из веществ, окружающих людей, средств, которые могут спасать и лечить человечество от разных болезней. Но в то же время наш мозг способен принимать решения во вред человеку.

– Ты имеешь в виду...

– ...Да. Героин. Через одиннадцать дней Генрих Дрезер, руководитель исследовательского департамента все той же компании «Байер», заменив молекулу здесь, молекулу там, открыл новое вещество. Оно продавалось как лекарство от кашля вплоть до 1930 года. Так гений человека создал вещество, которое способно облегчить боль умирающим и одновременно убить здоровых, но слабых духом людей. Да и сам Дрезер оказался заложником своего открытия. Именно он стал первым официальным героиновым наркоманом и первой его жертвой: он умер от остановки сердца в 1924 году.

Таня перевела дыхание и улыбнулась. У нее зарделись щеки, и в этот момент она была просто прекрасна. Соня от восторга вскочила.

– Это называется «и гений, парадоксов друг».

– Откуда это? – Володя задумчиво посмотрел на Соню. – Пушкин? «И опыт, сын ошибок трудных, и гений, парадоксов друг...»

Соня улыбалась и кивала брату головой. Потом повернулась к Тане и захлопала в ладоши.

– Браво! Это было очень интересно. Я восхищаюсь тобой.

– Лекция закончилась под бурные аплодисменты весьма возбудимого слушателя, – Володя с улыбкой прокомментировал Сонин восторг.

– Не ерничай, мамин любимчик, – Соня решила поставить брата на место. – Такие шутки не украшают мужчину. Таня вправе обидеться на тебя. И песня, которую мы пели, не о заводе и поездах, а о природе.

– Хорошо-хорошо! – Володя поднял вверх обе руки. – Согласен и приношу свои извинения. И песня ваша о природе, конечно, о ней, дорогой. «Край родной, навек любимый, где найдешь еще такой». Сонь, все верно? Я ничего не напутал?

Соня с улыбкой покачала головой.

– Ты поздно родилась, – обращаясь к сестре, сказал Володя. – Тебе бы родиться в пору друидов. Ходила бы и распевала с ними песенки о природе, березках и рябинках.

– Друиды, между прочим, – это люди дуба, а он, как считается, является символом мудрости, божественности, знаний, ну и, конечно, силы. И вообще, друиды скорее были магами кельтов, ну и язычников тоже. По прошествии веков мы все те же люди, которые чтут и любят природу.

Соня произнесла это убежденно и назидательно.

– Твоими бы устами, Соня. Убедила. И в подтверждение этого я прощаю тебе детские песнопения о березках и рябинках, а еще «мамино любимчика». В конце концов, Фрейд утверждал, что человек, который был бесспорным любимцем своей матери, через всю жизнь пронесет чувство, что может завоевать весь мир.

Володя широко улыбнулся сестре и послал ей воздушный поцелуй.

– Флаг в руки тебе и твоему Фрейду, – буркнула Соня. – Я думаю, что он тоже был маминим любимчиком. Интересно, какое чувство через всю жизнь проносят папины любимчики? По-видимому, чувство неудовлетворенности.

Они дружно засмеялись и не заметили, что в дверях стоит Галина Васильевна:

– Марш за стол, – улыбнувшись, сказала мама, и Соня про себя отметила, что в этот день она в первый раз увидела ее улыбку.

Глава 18

– Хорошо пели, девочки. Душевно. Софья, садись со мной рядом. Мне так будет удобней наступать тебе на ногу, – засмеялась бабушка.

– Ой, бабуль, не надо. Я так уже устала. Я не буду больше возникать. У меня мамин гость забрал последние силы, – пролепетала Соня уставшим голосом, усаживаясь рядом и придвигая к себе блюдо с лимонником.

Володя, глядя на нее, весело хмыкнул.

– Андрей мне показался озабоченным. Соня, детка, я прав?

Этот папин вопрос поставил Соню в тупик. Она пожала плечами. Все за столом замолчали и устремили взгляды на нее. «Все опять срежиссировано, – пронеслось в голове у Сони, – они папе поручили все узнать. Старый приемчик».

– Я не знаю, пап. Мы с ним больше не встречаемся, – Соня опустила голову и тихо пробормотала: – И он больше не приедет, если, конечно, никто из вас не пригласит его в свой дом в гости.

После Сониной тирады уже мама опустила голову:

– Прости, Соня, мне нужно было тебя предупредить заранее.

Соня второй раз за этот день покраснела, что случалось с ней не часто. Было тихо, и всем стало неловко. Соня кожей ощущала напряжение, царившее в доме. Она понимала всю нелепость сложившейся ситуации. Мама хотела помочь ей. Неуклюже? Да! Неразумно? Да! Но в этом виновата сама Соня. Она не до конца была правдива с ней. Это ее было решение не рассказывать родителям истинную причину разрыва ее с Андреем. Но и маме не следовало принимать такие решения без одобрения Сони. Все, что она могла сказать, уже было сказано перед обедом.

– Ничего, мам, все нормально. Может, это даже к лучшему. Я сегодня поняла, что совершенно свободна от него.

Бабушка взяла Соню за руку:

– Это очень хорошая новость, Сонечка, – она заулыбалась. – Это замечательная новость. Вот ты и поправилась.

– Может, хватит носиться с Сонечкой? – прорвало Володю. – Вы что забыли, что у вас есть старший сын и замечательный внук? И у сына и внука есть желание огласить важное в его жизни решение.

Он почему-то стал говорить о себе в третьем лице. Не иначе с перепуга, подумала Соня, но ничего не сказала, а, оглядев всех сидящих за столом, едва не подавилась.

– Похоже, здесь сейчас будет весело. Ну, давай уже, оглашай, – тихо пробубнила, она, доедая кусок пирога и протягивая руку за вторым.

Но тут произошло непредвиденное.

– Если ты будешь с такой скоростью и в таком количестве поесть пироги, я не приглашу тебя на свою свадьбу.

Соня открыла рот, чтобы положить туда кусочек пирога, но после слов Володи забыла это сделать, так и сидела с открытым ртом. Володя проговорил свои слова весело и непринужденно, во всяком случае, он так думал, но через секунду понял, что совершил непростительную ошибку. Какие тут могут быть шутки, если вопрос касается свадьбы мамочкиного сыночка! За столом воцарилась жуткая тишина. Если кто-то и жевал, то он перестал это делать. Соня наконец закрыла рот и ехидно посмотрела на брата, покачав головой. Тот только пожал плечами. Лицо у него было растерянным и виноватым. От страха он даже прикусил нижнюю губу. Таня сидела тихо как мышка. Создавалось такое впечатление, что она даже перестала дышать.

– На какую такую свадьбу? – нарушила молчание мама, и Соне от души ее стало жалко. Она понимала, как трудно дается той каждое произнесенное слово. Вот так он всегда. Это у него называется «непринужденно, между делом»...

– Н-у-у... – чуть слышно протянул Володя, – я сегодня сделал Тане предложение стать моей женой, и она согласилась. – Он жалко улыбнулся маме, а затем похлопал Таню по руке. Та съежилась под взглядом мамы и руку, как объект его вожделения, убрала под стол.

Бабушка с жалостью посмотрела на свою невестку, а затем перевела взгляд на Володю и покачала головой. Таня опустила голову, и Соня боялась, что она сейчас расплачется. И тут умница папа улыбнулся и, взглянув на Таню, бодро и ласково проговорил:

– Я счастлив, Танюша, что вы согласны войти в нашу семью. Володя, я тебя поздравляю. Должен отметить, что у тебя отменный вкус, будущая твоя жена – красавица.

Володя рассмеялся и, подойдя к маме, обнял ее:

– Мама, ну прости меня, что не сказал раньше. Мы только сегодня приняли это решение. А тут появился этот Сонькин козел...

– Он уже не мой козел, – фыркнула Соня, беря третий кусок лимонного пирога.

– Как «сегодня»? – совсем растерялась мама. – Когда вы успели?

– Когда ехали к вам. Да, Соня?

Соня с гордостью кивнула.

– Господи. При чем здесь Соня? – мама уже почти кричала. – Кто принимает такие важные решения в машине?

– Соня – моя сестра, я хотел... Мне нужно было с Соней... – Володя беспомощно замолчал.

– Какая тебе разница, когда и где: сегодня или вчера, в машине или на велосипеде. – Это уже Соня кричала с набитым пирогом ртом. – Ты что не понимаешь, что он волнуется и не знает, как вам сказать, а ты, вместо того чтобы выслушать его, задаешь эти дурацкие вопросы.

– Тихо, тихо, – сказала бабушка, взяв Соню за руку, – милая, ты сейчас подавишься.

– Они дурацкие потому, что я в шоке. Володя, я не знаю... – и мама растерянно посмотрела на папу.

Папа встал, налил всем шампанского и предложил выпить за счастливую весть. Он так и сказал «счастливую весть» словно это к нему голубь прилетел и сообщил ее. Затем он подошел к Тане и поцеловал ее в щеку, как печать поставил. Мама тоже вскочила, поцеловала Володю и, подойдя к Тане и обняв ее, прошептала на ухо:

– Берегите друг друга! – И заплакала.

Володя бросился к ней и обнял. Лицо у него было виноватое, но радостное. Затем он обнимался с бабушкой и снова с мамой. Счастливой выглядела и Таня.

– Софья, это ты все устроила? – зашипела в ухо бабушка.

– Бабуль, почему ты так решила? Они уже большие и сами справились, – вопросом на вопрос ответила Соня.

– Вижу твою руку, – бабушка откинулась на спинку стула и вздохнула.

Соня театрально покрутила левой рукой, поскольку правая собиралась запихнуть в рот остаток третьего кусочка пирога, и весело хмыкнула:

– Левую или правую? Нет, одной руки здесь мало.

Затем наклонилась к бабушке и с лукавой улыбкой тихо сказала:

– Я думаю, что у Володи есть более эффективное средство. Да и Танюша очень хороша. Как ты думаешь? И опять же – дитя! – при этом она плотоядно улыбнулась.

Бабушка вздохнула и легонько рукой стукнула Соню по лбу:

– Молодец, одним словом. Твой братец дергался?

– Что было, то было. Но должна признать, что недолго.

– Татьяна замечательная, похоже, умная... и тихая, – задумчиво произнесла бабушка. – Это хорошо.

– В смысле? – Соня округлила глаза.

– Она понимает нашего мальчика и если не станет ломать его, а похоже, она не собирается этого делать, будет с ним счастлива.

– А если он станет ломать? – хмыкнула Соня. – Наш мальчик хоть и умный, но непредсказуем, как все мужчины.

– Он не станет, – уверенно сказала бабушка.

– Это почему ты так решила? – Соню поразили слова бабушки. Она удивленно подняла брови.

– Он нашел то, что хотел, и то, что ему нужно, и будет заниматься своим любимым делом. Для него это важно. Если она это поймет, то получит замечательного мужа. Это он, значит, вчера тебя встречал, чтобы поговорить?

– Да. Мы разговаривали всю ночь. Мама не должна обижаться, ему нужен был разговор с другом, и он пытался ей это сказать.

– И ты была тем самым другом?

– Ну да. А почему нет? И другом, и сестрой. Принимал решение он сам, я только высказывала свою позицию и отношение к данной ситуации. Он не услышал от меня слов «ты должен жениться или ты не должен...». Я сама не ожидала, что он вот так, в машине, задаст Тане вопрос: «Выйдешь за меня замуж?»

– Так это был вопрос?

– Да, это было предложение руки и сердца.

– Соня, ты что, не знаешь, какими бывают предложения? Так это было вопросительное предложение или простое предложение с точкой в конце? Чему вас только учат в школе?

– Ты права. Нас в школе не научили делать предложение сердечному другу или подруге. Это сейчас все равно, другу или подруге. Но факт остается фактом: не научили. О чем мы с тобой говорили? – Соня нахмурила лоб. – Ах да. Предложение. Предложение – это предложение, а вопрос – это когда в конце предложения ставится знак вопроса... Согласна. Это было предложение со знаком вопроса в конце. – Соня помолчала пару секунд, а затем добавила: – Скотина.

– Чудило! Тебе все хиханьки да хаханьки. И что она ответила? – настаивала бабушка.

– Какая же ты, бабуль, липучая. Она не ответила, а сказала: «Если ты меня любишь, то да», – пропела Соня тоненьким голоском.

– Я же говорила, что она умна. Одним ответом убила двух зайцев. Узнала, любит ли он ее, и получила предложение.

Соня хмыкнула и поджала губы:

– Знаешь ли... Наш мальчик тоже не так прост. Он ведь тогда не сказал, что любит ее. Просто промолчал. И она дожидалась ответа до вечера. А если бы он сегодня вечером промолчал? И завтра тоже? Не хотела бы я тогда оказаться на месте Татьяны. Подлец, одним словом.

– Умница, – бабушка с восхищением посмотрела на Володю, уплетающего Сонин лимонник.

Соня с негодованием посмотрела на бабушку. Умница, что заставил Татьяну мучиться до самого вечера, или умница, что объявил этим вечером о своем решении жениться? Думай что хочешь. С бабушкой всегда так. Таня умиротворенно улыбалась и маленькими глотками пила чай. Все будет хорошо, подумала Соня, мама таких спокойных любит. Да и папе она придется ко двору. Красивая молодая жена, что еще желать своему сыну.

В разговор вступил папа:

– Таня, вы чем занимаетесь?

Он задал вопрос ради вопроса. Ему было абсолютно все равно, чем занимается Таня. Но как светский человек он обязан поддержать разговор за столом. Соня давно уже поняла, что папа больше озабочен своими профессиональными и личными делами. А домашние его волновали постольку, поскольку этого требовали приличия и мама с бабушкой. Удивительно, как все любят задавать бестактные вопросы! По-видимому, они приличествуют моменту? Соня съжилась. Она бы не хотела вот так сидеть за столом с родителями жениха и заниматься душевным стриптизом, отвечая на вопросы «брачной анкеты». А если это она была бы мать и ее дети? О! Это еще будет не скоро, и будет ли вообще... Соня отмахнулась от навязчивых мыслей, и вернулась к общему разговору, и поняла, что допрос успешно продолжается.

– Она медсестра, – вместо Тани стала говорить мама, – и они с Володей познакомились в больнице, где лежала Соня после аварии.

Соня поняла, что мама выдала эту информацию, чтобы облегчить Танину участь, но получилось, как получилось.

Таня опустила голову и тихо поправила маму:

– Это не совсем так. Я сейчас не работаю, а учусь в медицинском институте. Я студентка. Соне было жаль маму. Та побледнела и стала извиняться.

– Мам перестань. Это я виноват, не сказал, что Татьяна учится в мединституте. Теперь у вас есть общая и понятная только вам тема для разговоров, – Володя послал маме воздушный поцелуй.

– А почему медицина? – осторожно продолжил допрос папа.

– У меня бабушка – педиатр. Вот я тоже решила, и сейчас студентка четвертого курса, – Таня сцепила пальцы и, как школьница, отвечала на вопросы.

– А родители ваши чем занимаются? – это уже бабушка решила принять участие в дознании.

– Мои родители – преподаватели. Папа преподает технологию цветных металлов в институте стали и сплавов, который окончил, и аспирантуру тоже. Он доктор наук... А мама – преподаватель музыки в музыкальной школе при консерватории.

– Как хорошо!

Бабушка произнесла это с таким восторгом, и Соня поняла, что она сейчас замучает Таню. Володя тоже с беспокойством взглянул на бабушку, а затем на Соню. Но что она могла сделать, бабушка села на своего любимого конька. Соня только пожала плечами и постаралась подбодрить Танюшу улыбкой.

– Ваша мама каким инструментом владеет? И что она преподает? А вы играете на каком-нибудь инструменте?

– Таня играет на скрипке, и владеет ею тоже, – не выдержал Володя. – Мы будем музицировать в свободное от работы время, а когда родится ребенок, мы купим ему дудочку.

Теперь ясно, почему она не фальшивила, когда пела. «А за неучтивость к бабуле я оторву своему брату голову», – подумала Соня и сердито посмотрела на Володю. Он понял взгляд Сони и, наклонившись к бабушке, поцеловал ту в щеку.

– Прости, – бабушка улыбнулась ему и похлопала по руке.

«Дудочку, – злобно подумала Соня, – ему все сходит с рук. Почему ему, а не мне?»

– Ну, я думаю, пока Таня учится, следует подождать с детьми.

Это свои советы стала давать мама. Она наконец взяла себя в руки и попыталась вступить в общий разговор, но начала явно невпопад. Володя внимательно посмотрел на сестру. Соне стало смешно, но она с трудом сдержала себя. Ну да, конечно, мама мечтает руководить процессом деторождения. Дай ей волю, так она бы устроила конкурс невест для своего бесценного сыночка. А он возьми и сам выбери! Привел и объявил, что женится. Ужас!

– Из этого абсолютно ничего не следует, – приснула Соня и в упор стала смотреть на брата. Она расчистила ему дорогу, но решительно отказывалась по ней идти вместе с ним. Володя упрямо боднул головой.

– Мы тоже так думаем, – по-взрослому пробурчал Володя, а затем, откинувшись на спинку стула и решив положить конец викторине «ответы на вопросы», громко сказал: – У нас будет ребенок.

Глава 19

Была уже глубокая ночь. В доме пахло валерьянкой. Соня, Володя и Танюша сидели на крыльце и пялились на небо в звездах. Только за городом небо с такими звездами. Все уже разбрелось по своим комнатам. В доме наконец стало тихо. Таня прижалась к Володе, а он, поцеловав ее в макушку, счастливо улыбался. Соня чувствовала, как ему хорошо и уютно с ней. Все мысли, донимавшие его, тревога о необходимости принятия решения, все это уже ушло в прошлое, и в наступившем сегодня – это уже было во вчера. Остались покой и счастье.

У Тани закрывались глаза, и она, потянувшись, спросила Володю, куда он положил ее косметичку. Володя задумчиво посмотрел на нее. По его лицу было видно, что он пытается вспомнить, но у него ничего не получается. Таня озабоченно заерзала по ступеньке крыльца, и Соня вдруг вспомнила детскую считалочку: «На большом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной...» «Удивительно, – подумала она, – а ведь все сидящие на крыльце – персонажи мужского пола. Бездельники!»

– Ты можешь взять, что тебе нужно, у меня в ванной, – предложила Соня.

– У тебя есть детское мыло? – с надеждой в голосе спросила Таня. – Я с детства привыкла к нему.

– И ко мне ты привыкла? – тихо спросил ее Володя.

Тишина.

– Нет.

Ответ прозвучал так же тихо. Володя закрыл глаза и глубоко вздохнул, но ничего не сказал, и Соня поняла, что Танин ответ его удовлетворил. Она внимательно посмотрела на Володю и Таню, понимая, что сейчас случилось то важное, что объединяет любящих людей.

– «Читать учились по Брокеру», – голос бабушки прозвучал так неожиданно, что Соня подскочила.

– Бабуль, ты меня напугала. Я была уверена, что ты уже спишь.

– Ах, Соня. В моем возрасте лечь спать и спать – это абсолютно разные вещи. И проблема заключается в том, чтобы их объединить. Но это случается все реже и реже.

– А что не так с Брокером? И почему он учил нас читать? – весело спросил Володя. – Если ты говоришь о парфюме, то тем более интересно знать это, поскольку мне известно, что этот француз, прожив долгие годы России, так и не выучил русский язык, отказывался контактировать с русскими купцами и на дух не переносил ничего русского.

Соня опять подскочила, но теперь от возмущения и несправедливости.

– Зато он с удовольствием наживался на «немытой» России.

Бабушка погладила внучку по волосам.

– Ах, Софья. Ты у нас максималистка.

– Она у нас марксистка, – буркнул Володя.

– Марксизм – это умная наука. Я, по крайней мере, не монархистка и не анархистка.

Радуйся, брат.

– Спасибо тебе, Соня! – приложив руку к груди, с пафосом сказал Володя.

– Пожалуйста-пожалуйста, – не осталась в долгу Соня.

– Бабуль, – снова спросил Володя, – а почему именно читать?

– Потому, что первой продукцией Генриха Брокера было мыло под названием «Детское», и на каждом его кусочке была одна буква русского алфавита. Это придумала его жена. Тоже француженка, но она хорошо знала русский язык. Вот она и была связующим звеном Брокера с внешним миром в России.

– Отличный маркетинговый ход. Браво брокеровской жене! Таня, – обратился к невесте Володя, – я вспомнил: твоя косметичка в клетчатой сумке.

Бабушка, похлопав внука по плечу и пожелав всем спокойной ночи, отправилась в свою комнату. Соня чувствовала страшную усталость. Надо было заставить себя встать и отправиться в кровать, но не было сил даже на это.

– Ребята, я тоже пошла, у меня совсем нет сил после двух бессонных ночей. Спокойной ночи! – она поднялась и уже направилась к двери дома, когда Володя спросил:

– Почему после двух? Прошлая ночь – понятно, а что было в ту, в другую, которая была первой? – он вопросительно поднял брови. – Ночь в Лозанне?

В ответ Соня только пожала плечами.

– Не понял! Что это значит? – нахмутив брови, тихо, с тревогой в голосе спросил Володя. – Похоже, мне тобой нужно было заниматься, а не...

– Мной не нужно заниматься, – Соня вдруг стала злиться.

Она весь день вспоминала об Алексе и сейчас поняла, что страшно скучает и чувствует себя одинокой.

– У меня все отлично. И в ту первую ночь, как ты ее назвал, со мной было все в порядке. Поверь мне.

– Верю. Соня, кто он? – тихо спросил Володя.

– Он? – Соня задумалась. – Он Алекс.

– Кто такой Алекс? – упрямо допытывался Володя и резко повернулся к ней. Таня вздрогнула, подняв голову, и, ничего не понимая, уставилась на них. Бедная девушка, подумала Соня, она еще не понимает, в какой бедлам попала. Здесь все друг друга любят и своей любовью могут насмерть замучить. Но ты не можешь без этой любви жить, и жить так тоже невозможно. Ты обречен, и эта обреченность сладка.

– Сама толком не знаю, но это не имеет значения, – усталым голосом ответила она.

– А что тогда имеет значение? – спросил Володя.

После его вопроса повисло молчание.

– Я после трех лет воздержания была счастлива в объятиях этого мужчины и окончательно освободилась от Андрея. Это именно то, что мне было нужно. Понимаешь? Теперь пойду к себе в комнату, приму душ – и спать.

– Понимаю, – пробормотал брат, затем пожелал спокойной ночи и сладких снов, ласково улыбнувшись ей.

Глава 20

Соня уснула сразу же, как только голова коснулась подушки. Спала без сновидений и, проснувшись рано утром и взглянув в окно, быстро умылась, натянула спортивный костюм, нацепила наушники и выбежала в сад.

Бабушка стояла у окна и наблюдала, как Соня бегала с подскоками по дорожкам сада, затем танцевала под музыку из наушников. Снова и снова Соня скачет, как в детстве, и это ей доставляет колоссальное удовольствие.

– Галя, подойди, пожалуйста, – бабушка машет маме рукой, не отрываясь от окна. Подходит мама и замирает, не произнеся ни слова.

– Мама! Бабуля! Вы тут? – осведомился Володя, входя в кухню на запах кофе и застав их в состоянии столбняка.

– Кто там? Что не так? Снова приехал этот «козел» или к нам на запах кофе заглянули инопланетяне? – с сарказмом говорит Володя, взглянув в окно, в которое они уставились. – О нет-т-т, – вскрикивает он, – похоже, этот таинственный Алекс сотворил чудо с нашей взбалмошной девицей.

– Какой Алекс? – у мамы дрогнул голос. – В этом доме я все узнаю последней.

– Допустим, ты не одна, – недовольно проворчала бабушка, – ну, внучка, погоди. И она грозит кулаком Соне в окно, а та подпрыгивает, и, танцуя, несется по дорожке вглубь сада. Ей хорошо, она такая легкая, ей хочется прыгать, танцевать, и она прыгает и танцует.

– Володя, объясни нам толком, кто такой Алекс и откуда он взялся? – мама буквально повисла на руке Володи.

– Да я сам ничего не знаю, – отмахнулся Володя от мамы и попытался улизнуть от нее в комнату, но мама крепко держала его двумя руками. – Она перед сном назвала это имя, а когда я спросил кто это, она сказала, что не знает.

– Володя! – громко позвала Таня. – Помоги, мне что-то плохо.

– О Господи! Мама, пойдем со мной! – с перепуганным лицом Володя помчался по лестнице в комнату к Татьяне.

Когда после душа Соня вошла в комнату, все, даже Татьяна, которую мучило, Валечка с Петром Степановичем и кот Василий, ничего не понимавшие, обернулись к ней с немым вопросом на лице.

«Что? Что опять? По-видимому, я останусь без завтрака», – подумала Соня и тихо села за стол. Но никто ничего не спрашивал.

– Сонечка.

«Значит, это снова поручили папе», – Соня честными глазами посмотрела на него.

– Да, папа!

– Как твоя поездка в Женеву?

– В Лозанну, папа. Там все было чудесно. Конференция прошла на высоком уровне, и мое присутствие принесет пользу банку. Общение с коллегами оказалось плодотворным, – произнеся последнее слово, Соня поняла, что начинает краснеть, – и весьма полезным. Погода была отличная. – Это она уже пробормотала, уставившись в стол.

Папа ласково улыбнулся и поцеловал Соню в голову.

– Умница дочка.

А она состроила рожу Володе и показала ему кулак. Налив в чашку кофе и молоко и схватив кусок вчерашнего пирога, Соня бросилась из комнаты на террасу. Удобно устроившись, она принялась за кофе.

– И кто такой Алекс? – поинтересовалась мама, остановившись на пороге.

- Ой, – Соня закатила глаза, – он уже вам донес? Уверяю тебя, это совсем не интересно.
- И все же, я бы хотела знать, – мама явно сердилась.

Соня поняла, что, пока она не ответит на заданный вопрос, ее в покое не оставят.

– Я не хочу быть циничной, но вы меня вынуждаете такой быть, извините. Алекс – это тот мужчина, с которым я провела последнюю ночь в Лозанне. Кто он по национальности, я не знаю, но предполагаю – англичанин, и он белокожий, если в последнее время я не стала дальтоником.

– А что ты еще знаешь? Кроме своих предположений? – спросила бабушка, входя на террасу с Володей.

«Кажется, я серьезно влипла», – подумала Соня.

– Только то, что он говорит на английском, как говорят англичане, и что он живет в Сингапуре и работает в банке.

– Ну да. Тут рядом. В бананово-лимонном Сингапуре, – промурлыкал Володя, изобразив на лице улыбку Чеширского кота.

– Цыть, – не выдержала бабушка.

– Ты провела ночь неизвестно с кем? – тихо, но очень четко произнося каждое слово, спросила мама.

– Почему неизвестно с кем? С мужчиной, – хмыкнула Соня. – Да, это определенно был мужчина. Наверняка, я не могла ошибиться.

– Она еще издевается! – мама развела руками.

– Софья, не дерзи, – поправив очки, строго сказала бабушка.

– Ты провела ночь с первым встречным мужчиной? – выпалила снова мама и схватилась за голову.

Соня даже не сразу ее поняла. Почему первый встречный?

– При чем здесь первый встречный? – с укоризной посмотрела на маму бабушка и вздохнула.

– Первый? Что ты имеешь виду? – опешив он маминого вопроса, пробормотала Соня и посмотрела на брата. Тот только пожал плечами. И тут Соня разозлилась: – Хорошо у вас получается. Навалились на меня единым фронтом. Володя, как у тебя с желанием завоевать весь мир? Все в порядке? Тогда привет Фрейду. Нимб не давит головку? Нет? Это тоже отлично.

Соня видела, как Володя покраснел и опустил голову. Она продолжала сидеть с чашкой кофе в руках, а родственники стояли над ней, и ей приходилось задирать голову, чтобы видеть их лица. Шею начало ломить, в голову пришла мысль, встать и убежать от этого кошмара, но Соня так и не решилась этого сделать. Она продолжала сидеть, как маленькая девочка, которой учинили разнос за плохое поведение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.